114.

ПРОФ. В. ДАВАТЦЪ

№ 114

НА МОСКВУ

ТИПОГРАФІЯ АКЦ. О-ВА И. РИВАХОВСКІЙ

5, RUE DES GOBELINS PARIS 1921.

Вмѣсто предисловія.

Записки, которыя предлагаются вниманію публики, писались не для того, чтобы быть опубликованными. День за днемъ, я, какъ участникъ войны, заносилъ свои впечатлѣнія и наблюденія надъ окружающей жизнью, въ разсчетѣ на то, что — если сохранитъ меня судьба — черезъ много лѣтъ мнѣ и моимъ близкимъ будетъ пріятно вспомнить объ этихъ незабываемыхъ дняхъ.

Я продолжаю заносить эти наблюденія и теперь — и надѣюсь довести мои воспоминанія до занятія Москвы, когда я буду считать себя вправѣ снять военный мундиръ и вернуться къ обычной работѣ. Поэтому общее заглавіе всѣхъ этихъ записокъ выбрано мною — «НА МОСКВУ».

Но двѣ главы уже закончены, — и главы эти распредѣлилъ не я, но сама жизнь. Первая глава «Къ Ростову» охватываетъ часть моей жизни до взятія и потери Ростова; вторая «Литургія Вѣрныхъ» — тяжелый Кубанскій отходъ до трагедіи въ Новороссійскѣ. Эти обѣ главы заключаютъ въ себѣ описаніе того періода, когда существовалъ тотъ бронепоѣздъ «На Москву», въ которомъ я начиналъ свою службу въ арміи.

Поэтому, когда вдругъ стало мнѣ яснымъ, что эти записки помимо личнаго интереса имѣютъ интересъ общественный, а главное, что обнародованіе ихъ можетъ быть будетъ полезно для нашего дѣла — я рѣшилъ отбросить нѣкоторую не-

ловкость и опубликовать эти записки. Конечно, при этомъ фамиліи многихъ дѣйствующихъ лицъ должны были скрыться подъ иниціалами.

Былъ бы счастливъ, если-бы ихъ появленіе въ свѣтъ содѣйствовало, особенно заграницей, истинному пониманію нашего духа!

Проф. В. Даватцъ.

Мл. фейерверкеръ бронепоѣзда «**Грозный**».

Севастополь, — 7 - 20 іюня 1920 г.

Глава I.

КЪ РОСТОВУ.

1 Января 1920 г. Въ пути.

Сегодня утромъ въ нашу теплушку вошелъ капитанъ Д. и сказалъ:

"Поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ и новымъ походомъ".

Въ этомъ уже и до его прихода не было никакого сомнѣнія. Насъ еще до чая вызвали спѣшно грузить снаряды: видно было, что куда-то мы спѣшимъ, и, слава Богу, на этотъ разъ не отъ Москвы, а на Москву. Все было охвачено какимъ то радостнымъ волненіемъ: какъ будто и впрямь кончался этотъ безконечный "драпъ" по образному кадетскому выраженію.

Я вспоминаю, какъ, полъ-мѣсяца тому назадъ, я робко вступилъ въ Ростовѣ на нашъ бронепоѣздъ. Тогда говорили, что мы сразу ѣдемъ въ бой. Но вмѣстѣ съ остальными "драпающими" мы переѣхали черезъ мостъ у Батайска и засѣли въ безнадежной дырѣ — Старо-Минской. Засѣли въ какомъ-то раздумьи. Потомъ пришли вѣсти о взятіи красными Ростова и Таганрога. И мы, простоявъ съ недѣлю въ Старо-Минской, " драпнули " прямо на Екатеринодаръ, задержавшись на станціи Тимашевка. А теперь, должно быть, что-то произошло: насъ отправляютъ, кажется, отвоевывать Ростовъ.

Да, полъ мѣсяца я уже солдатомъ. А вѣдь почти только мѣсяцъ тому назадъ я сидѣлъ въ качествѣ члена Управы въ Харьковѣ, который су-

дорожно сжимался отъ наступающихъ красныхъ. Встрѣчались, говорили, что-то дѣлали, что-то подписывали, а сами думали: Какъ уѣхать? Какъ бы не застрять въ этой сутолокѣ "разгрузки?"

Мнѣ удалось выбраться за два дня раньше Управы, хотя простоявъ на вокзалѣ эти два дня, я, какъ оказалось, уѣхалъ съ Управой въ одинъ и тотъ же день, двадцать пятаго ноября. Было мучительно стыдно за свою слабость. Вспоминались слова одного изъ коллегъ:

— Въ этотъ моментъ никто не долженъ уходить со своего поста.

И, сидя въ ожиданіи отправленія въ темномъ корридорѣ на какомъ-то столѣ, я мучительно думалъ о томъ, что на моей общественной репутаціи легло тяжелое несмываемое пятно. Что когда, допустимъ, черезъ мѣсяцъ, мы выгонимъ изъ Харькова большевиковъ, трудно мнѣ будетъ заговорить тѣмъ тономъ, на который я до сихъ поръ имѣлъ право.

И вспомнилась моя послѣдняя статья въ "Новой Россіи", статья, которая написана была поистинѣ моими нервами и кровью: "Если, чтобы истинно полюбить, — писалъ я — надо оставить отца и матерь свою, то теперь наступаетъ этотъ часъ больше, чѣмъ когда либо прежде. И можетъ быть именно теперь, когда врагъ временно торжествуетъ, нужно не уходить въ свою скорлупу, но громко и смѣло закричать: "Да здравствуетъ Добровольческая Армія".

Статья произвела впечатлѣніе: ко мнѣ подходили прямо на улицѣ и пожимали руки. Даже Евграфъ К., Членъ Церковнаго Всероссійскаго Собора, который, по моему, терпѣть меня не можетъ, остановился, встрѣтивъ меня у редакціи, и сказалъ что-то прочувственное. И вотъ теперь, первое,

BIBLIOTEKA NARODOWA

что я дѣлаю, — уѣзжаю раньше, чѣмъ я имѣю право уѣхать.

И тутъ, въ этомъ темномъ корридорѣ, блеснула въ первый разъ яркая мысль. Можно искупить эту вину и смыть съ своего имени этотъ позоръ: надо вступить въ армію. Сколько разъ до этого та же мысль тревожила мою совѣсть. Но тогда была у меня моя мать Я бросилъ ее теперь наканунѣ ея смерти. Въ маленькой комнаткѣ моихъ друзей, покинутая мною, она найдетъ себѣ вѣчный покой. Но вѣдь иначе было нельзя. И теперь я свободенъ. Отъ всѣхъ, кого я люблю, я имѣю право потребовать, чтобы они не мѣшали моему рѣшенію, — отъ всѣхъ, кромѣ нея. Послѣднее служеніе моей родинѣ должно быть такимъ, чтобы отбросить всѣ личныя привязанности, потушить въ себѣ всѣ иные помыслы, кромѣ одного: отдать, если нужно, свою жизнь. И какъ-то особенно ярко вспомнился сонетъ, который я написалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

И было сказано: на лютнѣ у тебя
Всего лишь три струны подъ нѣжною рукою,
Ихъ берегись порвать — съ послѣднею струною
Порвется голосъ твой и жизнь сгоритъ твоя....
И въ бурномъ омутѣ прошло не мало лѣтъ.
Звучалъ огонь любви и холодъ разставанья.
Звучали радости, побѣды и страданья:
Двѣ струны порваны, двухъ струнъ на лютнѣ нѣтъ.
Но есть одна струна, не порвана донынѣ.

Я съ ней слагаю гимнъ единственный
святынѣ,
Что властвуетъ всецѣло надъ душой.
Для родины моей, несчастной и усталой,
Струну послѣднюю я рву на лютнѣ ста-
рой.
И блещетъ молодость, и крѣпнетъ
голосъ мой.

Но я рѣшилъ еще попробовать приложить свои силы въ Ростовѣ. Тамъ была газета, тамъ былъ Центральный Комитетъ нашей партіи, туда стекалось со всѣхъ концовъ самое яркое, самое интеллектуальное. Туда, въ эту столицу Россіи, потянулся я съ волною всероссійскаго бѣженства.

Промелькнули двѣ недѣли переѣзда, который можно назвать просто кошмаромъ. Въ грязной, холодной теплушкѣ, въ поѣздѣ, гдѣ умирало почти ежедневно по человѣку, плечо къ плечу съ больнымъ офицеромъ въ сыпномъ тифу. Но весь этотъ кошмаръ принимался мною безъ ропота, безъ страха. Принимался онъ, какъ испытаніе моей силы и моей воли, какъ тренировка для будущихъ испытаній и будущихъ кошмаровъ. И спокойно, и твердо, безъ психологіи бѣженца, прибылъ я въ Ростовъ.

А тамъ все пошло быстро. Въ этомъ городѣ — parvenu, конечно, ничего нельзя было дѣлать. Писались резолюціи, спорили, постепенно впадали въ панику и запасались деньгами и заграничными паспортами. И въ одинъ прекрасный день изъ политическаго дѣятеля и профессора, я сталъ солдатомъ бронепоѣзда "На Москву".

Мы ѣдемъ теперь въ бой. Только бы найти въ себѣ мужество и быть стальнымъ во время боя.

2 Января. Кущевка. База.

Я успѣлъ поговорить болѣе или менѣе по душамъ съ тремя офицерами, а съ однимъ изъ нихъ даже подружился.

Прибывъ на поѣздъ, я былъ направленъ къ старшему офицеру, капитану З. Я былъ въ штатскомъ костюмѣ, но уже принятымъ на военную службу. И эта двойственность особенно меня смущала.

Капитанъ З. принялъ меня просто, предложилъ сѣсть въ купэ и въ этомъ tête-à-tête'ѣ пришлось разсказать ему вкратцѣ свою біографію и тѣ причины, которыя побудили меня поступить въ армію. Я всегда смущаюсь, когда говорю съ людьми объ этихъ причинахъ. Я вспоминаю послѣдніе разговоры въ Ростовѣ, тѣ полуулыбки и то замѣшательство, которое всегда возникало, когда мнѣ приходилось сообщать о своемъ рѣшеніи.

Впрочемъ, я не могу съ чувствомъ глубокой признательности не вспомнить нѣсколько встрѣчъ и разговоровъ: какъ бы твердо ни было мое рѣшеніе, трудно было осуществить его безъ дружеской поддержки. Я уходилъ въ армію, которая погибала. Не въ моментъ торжества и подъема, но въ моментъ ея распада и униженія, я шелъ "защищать погибшее дѣло", по выраженію одного изъ моихъ друзей. Буду ли я въ состояніи взять на себя эту тяжесть? Отказаться отъ привычнаго уклада жизни, отъ своихъ навыковъ, поднять на свои плечи всю тяжесть солдатской жизни, — это было не такъ легко осуществить.

И вотъ, въ Ростовѣ я первый разъ получилъ дорогую мнѣ дружескую руку отъ товарища по редакціи Г. Я ночевалъ въ его комнатѣ, прямо на полу, подстеливъ свою шубу. И всю ночь прого-

ворили мы на волнующія меня темы. И не столько въ словахъ его, сколько въ тонѣ, тепломъ и задушевномъ, чувствовалось столько хорошихъ ободряющихъ нотокъ.

"Я боюсь только одного... Вы ѣдете въ армію, какъ поэтъ, — сказалъ онъ. — И можетъ случиться, что будетъ ждать васъ тяжелое разочарованіе. Но вы все-же хорошо дѣлаете: такъ надо".

И лежа рядомъ съ нимъ на полу, въ темной комнатѣ, въ которую едва-едва пробивался свѣтъ, я горячо обнялъ его, еврея, который не могъ свободно, какъ я, идти въ нашу армію, и поцѣловалъ его.

— Спасибо вамъ, Абрамъ, — сказалъ я ему. — Я смотрю теперь на этихъ людей, бѣгающихъ въ паникѣ,—и у меня на душѣ спокойно и просвѣтленно. Вы знаете, если люди еще помнятъ о порядочности и честности, то забыли о чести. Моя честь требуетъ отъ меня этого шага...

Не могу не вспомнить съ теплымъ чувствомъ нашего проректора, профессора К. и его супругу. Они жили въ лабораторіи. Черезъ всю комнату тянулся какой-то аппаратъ съ натянутыми струнами. Я пришелъ къ нимъ, въ чужой подаренной мнѣ гимнастеркѣ, съ только что купленными солдатскими погонами, завернутыми въ бумагу.

Профессоръ К. вдѣлъ мой первый погонъ, на который его супруга прикрѣпила недостающую пуговицу. И казалось мнѣ, что это была не простая случайность: это было напутствіе нашего родного университета. Екатерина Михайловна посмотрѣла на меня съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и сказала:

— Я знала, что съ вами этимъ кончится, послѣ вашей послѣдней статьи. Вы не повѣрите, какъ въ ту минуту общей растерянности бодро прозву-

чалъ вашъ голосъ. Теперь вы исполняете то, о чемъ говорили.

На лѣстницѣ я встрѣтилъ ректора Высшихъ Женскихъ Курсовъ, профессора К. Я остановилъ его и сказалъ, что поступилъ на бронепоѣздъ.

Онъ задержался на секунду. Его рѣзкія движенія стали еще болѣе нервными. На глазахъ его блеснули слезы. Онъ крѣпко поцѣловалъ меня и, вбѣгая на лѣстницу, сказалъ кратко:

— Да хранитъ васъ Богъ.

Я, конечно, передъ отъѣздомъ зашелъ въ помѣщеніе, гдѣ жила наша Городская Управа. Первый разъ, когда я пришелъ къ нимъ въ общежитіе, гдѣ на койкахъ лежали наши члены муниципалитета въ какой-то прострацiи, гдѣ на полу валялись окурки и кусочки колбасы, — меня встрѣтили сдержанно - холодно: они имѣли на это право. Теперь я явился къ нимъ солдатомъ, и было видно, какъ растаялъ ихъ ледъ и какъ рѣшеніе мое примирило меня съ ними.

Но мнѣ важно было проститься съ однимъ изъ нихъ, Николаемъ Николаевичемъ К., предсѣдателемъ нашей Думы. Крупный и нѣсколько грузный, добрый и честный, какъ породистый сэнъ-бернаръ, безупречный работникъ, имя котораго украшало нашъ партійный списокъ. Въ послѣдніе дни нашихъ партійныхъ междуусобій, насъ соединила общность нашихъ взглядовъ. Мы не подчинились близорукому рѣшенію національнаго центра — связать свои имена съ махровыми именами черной сотни. На выборахъ въ Харьковѣ, мы нарушили "дисциплину" и обратились съ воззваніемъ исправить допущенную ошибку. Насъ вмѣстѣ судили въ комитетѣ, когда мы перешли отъ обороны къ наступленію. Намъ вмѣстѣ вотировали довѣріе. И теперь хотѣлось пожать его

честную руку, получить его напутствіе, какъ отъ отца, котораго у меня нѣтъ.

Онъ поднялъ свою львиную голову съ койки, на которой лежалъ, и, вскочивъ, быстро подошелъ ко мнѣ. Онъ говорилъ мало, но лицо его просвѣтлѣло отъ какого-то внутренняго свѣта, — и понялъ я, что не ошибся, обращаясь къ нему.

— Куда-же я назначу васъ, — сказалъ З. И послѣ нѣкотораго раздумья продолжалъ:

— Васъ можно было-бы устроить въ канцеляріи; но я вижу это васъ не устроитъ. Вы будете у меня на первой пятидюймовой пушкѣ.

"Такъ могъ сказать только человѣкъ, который все понялъ. Конечно, не для того, чтобы прятаться по канцеляріямъ, я шелъ сюда. Я не знаю еще, на что и какъ я буду годенъ. Трудно профессора приспособить къ пушкѣ".

Но такъ надо.

Съ капитаномъ Д. я разговорился въ нашей теплушкѣ, куда онъ часто заходилъ къ молодежи. Онъ любитъ эту кадетскую молодежь. Да и трудно ее не любить. Я живу съ ними въ теплушкѣ уже двѣ недѣли. Я старше ихъ въ среднемъ лѣтъ на двадцать. Я вижу, какъ жизнь искалѣчила многихъ, выбила изъ колеи такъ, что трудно имъ будетъ жить въ нормальной обстановкѣ. Цѣлая пропасть между мною, который прошелъ огонь и воду тончайшихъ построеній ума, изысканнѣйшихъ проявленій человѣческаго духа, и ими, прошедшими огонь и воду ужасовъ и грубостей войны. Цѣлая пропасть между мной, который пошелъ сюда, какъ на высшее служеніе, который освѣтилъ все духомъ средневѣкового аскетизма и, пожалуй, романтики, и ими, которые пошли на это... такъ просто. И я люблю ихъ. Я не замѣчаю ихъ

нарочитой грубости. Они — это лучшіе герои нашего безвременья. Это — дѣти, которыя все же строятъ храмъ лучшей жизни въ то время, когда отказываются отцы. И я понимаю Д., который заходилъ къ намъ отдыхать.

Капитанъ Д. интересенъ, тонокъ, съ какимъ то нервнымъ изломомъ. Онъ любитъ Баха — и это уже одно его рекомендуетъ. Онъ цѣнитъ литературу; онъ понимаетъ, что только вульгарное представленіе могло приписать Нитцше проповѣдь освобожденія отъ всякой морали. Я думаю, что онъ незамѣнимъ въ бою, что съ нимъ вмѣстѣ легко умирать.

Я слышалъ о немъ, что онъ превосходный ораторъ. У него есть общественная жилка. Кое что разсказалъ онъ мнѣ изъ своего прошлаго: въ дни революціи онъ проявилъ себя несомнѣнно, какъ настоящій общественный боецъ. И его взгляды на политику, его пониманіе того, что многіе, увы, не понимаютъ, невольно рождали мысль, которая въ послѣднее время часто возникаетъ во мнѣ:

— Если бы всѣ офицеры были такіе, не пришлось бы намъ испивать теперь этой горькой чаши.

Но право, хорошо, что приходитъ эта мысль такъ часто. Это значитъ, что такихъ офицеровъ у насъ много.

И одновременно съ нимъ я познакомился съ поручикомъ Р. Когда я былъ на орудіи, онъ подошелъ къ орудію и заговорилъ со мной. Видно было, что это былъ пробный первый разговоръ. И, дѣйствительно, въ тотъ - же день мы встрѣтились съ нимъ возлѣ вагона и сразу какъ-то затронули то, что интересовало насъ обоихъ. Я очутился у него въ купэ.

Поручикъ Р. — уже пожилой человѣкъ, лѣтъ

подъ пятьдесятъ; у него интересный умъ, съ большой склонностью къ математикѣ и философіи. Математическую литературу знаетъ онъ достаточно хорошо, но, къ сожалѣнію, поверхностно. Онъ слушалъ когда-то лекціи въ Heidelberg'ѣ и это, конечно, оставило нѣкоторый отпечатокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него какое то предубѣжденіе противъ нѣмецкой науки, и много цѣннаго въ ней считаетъ онъ ненужнымъ хламомъ. Вообще ведетъ онъ даже списокъ сочиненій — въ своемъ родѣ index librorum prohibitorum, которыя считаетъ безполезными; не признаетъ математической физики и теоріи Sophus'a Lie. Противъ всего этого можно горячо спорить, что я и дѣлаю въ часы досуга.

Общее у насъ и то, что оба мы (я скажу теперь про себя категорически) религіозны. Онъ —старообрядецъ; онъ съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ старушки - монашенки объясняли ему — ребенку — сущность Софіи — Премудрости Божіей, и объясняли такъ хорошо, какъ будто это не было однимъ изъ сложнѣйшихъ достиженій греческихъ гностиковъ.

Онъ — одинъ изъ представителей крупнаго дѣла братьевъ Р. — бросилъ все и пошелъ на фронтъ. Мнѣ нечего было много объяснять ему, каковы были мои побужденія. Но онъ только переоцѣниваетъ значеніе моего шага. Для меня — это имѣетъ значеніе субъективное, личнаго моего оправданія; онъ приписываетъ ему значеніе объективное, ибо по его мнѣнію это можетъ воздѣйствовать на другихъ. Но въ одномъ мы согласны. Для возсозданія арміи должны мы образовывать новые кадры не воиновъ просто, но духовныхъ рыцарей. Не служба просто, но подвижничество, должно лежать въ основѣ нашей жизни. Мы дол-

жны быть прежде всего аристократами, чтобы волны бушующаго плебса не захлестнули нашихъ одинокихъ маяковъ.

Завтра мы выѣзжаемъ на Каялъ, а потомъ въ бой, къ Ростову. Можетъ быть убьютъ. На всякій случай написалъ прощальное письмо въ Ставрополь и просилъ отправить, если меня не станетъ. Но въ душѣ нѣтъ ни тѣни волненія. Или изжита жизнь, или, дѣйствительно достигъ я духовнымъ упражненіемъ отреченія отъ собственной жизни?

5 Января. Кущевка. База.

Мы пріѣхали въ Каялъ, гдѣ оставили базу, и утромъ третьяго января въ составѣ четырехъ орудій двинулись на Батайскъ.

Я стоялъ на своей первой площадкѣ; впереди видно было желѣзнодорожное полотно. Я смотрѣлъ на эти убѣгающія рельсы, которыя вели меня можетъ быть на смерть.

Чуть не переѣхали по дорогѣ подводу съ бабой. Мелькнула мысль, что это дурной признакъ. И всетаки, душа какъ бы окаменѣла — и нѣтъ въ ней хотя бы легкаго волненія. Ну, хотя-бы такого, какъ передъ отвѣтственнымъ выступленіемъ, передъ лекціей или рѣчью. И не можетъ ли эта твердокаменность смѣниться въ рѣшительную минуту животной паникой?

У Батайска открылся видъ на Ростовъ. Вотъ знакомыя очертанія Темерника, вотъ контуры собора. И до боли обидно, что тамъ — о н и, что тамъ — совдепъ, торжествующій красный совдепъ. И съ холодною твердостью хотѣлось пустить туда тяжелый снарядъ: Ростовъ пересталъ быть городомъ, населеннымъ людьми. Можетъ быть тамъ еще скитаются мои застрявшіе друзья.

Можетъ быть на Почтовой улицѣ, гдѣ живетъ до сихъ поръ Гольфандъ, разорвется этотъ снарядъ. Но въ этотъ часъ Ростовъ былъ для меня исключительно средоточіемъ врага. И не было жалости къ людямъ, какъ не было жалости и къ самому себѣ. Борьба бѣлыхъ съ красными стала какой-то шахматной задачей.

Стали выяснять положеніе. — Ростовъ дѣйствительно въ рукахъ красныхъ, и всѣ слухи о его взятіи назадъ — выдумки. Даже больше: красные форсировали Донъ и заняли Зарѣчную. Мостъ черезъ Донъ не взорванъ и по нему движутся непріятельскіе бронепоѣзда. Останавливаются они у небольшого и еще непочиненнаго мостика.

Двигаться намъ можно еще не болѣе двухсотъ шаговъ. Дальше мы попадаемъ въ поле зрѣнія ихъ наблюдательнаго пункта; кромѣ того, весь районъ Зарѣчной пристрѣлянъ ими, прямо по квадратикамъ...

Начались поиски удобной позиціи для орудій и наблюдательнаго пункта. Долго маневрировалъ паровозъ, — казалось, что все кончено, и мы начнемъ. Но подулъ рѣзкій вѣтеръ со снѣгомъ, и наблюдать за стрѣльбой было невозможно. Рѣшили отложить бой на завтра, оставивъ одну только полубаттарею. Мы, т. е., моя пушка, попали въ резервъ; черезъ два дня должна произойти смѣна; но ѣхать едва ли придется, такъ какъ на нашей пушкѣ тоже двѣ смѣны команды. При нормальныхъ обстоятельствахъ придется ѣхать одиннадцатаго числа.

Грустно было ѣхать назадъ. Цѣлыхъ двѣнадцать часовъ тряслись мы назадъ, въ базу, которая изъ Каяла уѣхала въ Кущевку. Въ то время, какъ тамъ начинается бой, приходится проводить

нудные дни, охраняя на часахъ какой нибудь цейхгаузъ.

А впрочемъ, не важнѣе ли всего выработать въ себѣ способность безусловно подчиняться? Вѣдь шелъ я сюда не для сильныхъ ощущеній и не для какихъ нибудь внѣшнихъ знаковъ отличія. Въ любой моментъ, когда призовутъ, пойду въ бой; въ любой моментъ, когда прикажутъ охранять какой нибудь вагонъ со снарядами, потушу въ себѣ мои желанія и останусь незамѣтнымъ винтикомъ въ нашей машинѣ.

6 Января. Кущевка. База.

Уѣхала вторая полубаттарея, а первая не вернулась. Получилась краткая телеграмма срочно выслать снаряды. Очевидно, идетъ жаркій бой...

Нѣсколько часовъ подрядъ снаряжалъ бомбы. Это достаточно утомительно, но дѣлаю работу эту съ особымъ, весьма страннымъ ощущеніемъ радости. Нѣсколько десятковъ снарядовъ будутъ посланы имъ завинченные моею рукою.

Ходитъ слухъ, что наши подбили красный бронепоѣздъ. Вѣрно это или нѣтъ — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, въ Батайскѣ развивается теперь одинъ изъ эпизодовъ борьбы....

19 Января. Кущевка. База.

Совсѣмъ неожиданно въ ночь съ шестого на седьмое января я выѣхалъ на позицію въ Батайскъ. Тамъ пришлось пробыть цѣлыхъ двѣнадцать сутокъ, и только сегодня я пріѣхалъ въ базу, дня на четыре. Впечатлѣнія этихъ двѣнадцати дней какими-то слоями еще находятъ другъ на друга. И странно, что то, что ожидалось какъ будущее, стало уже прошедшимъ.

Мое боевое крещеніе произошло седьмого января. Мы стрѣляли сперва по Нахичеванской

переправѣ; потомъ съ наблюдательнаго пункта на водокачкѣ замѣтили приближающійся броненоѣздъ противника. Наше орудіе двинуто было далеко впередъ — и начался бой.

Странное было чувство какого то необычайнаго напряженія. Гаубичныя орудія, скрытыя гдѣ-то справа и слѣва отъ насъ, подняли ожесточенную стрѣльбу; и вскорѣ, какъ эхо отъ нашего орудія, раздалась почти непрерывная канонада. Иногда съ особымъ характернымъ свистомъ проносился непріятельскій снарядъ; но не было даже времени обращать на него вниманіе. Вся мысль была направлена на одно: чтобы во время подать снарядъ и зарядить орудіе, и весь я обратился въ часть нашей пушки, которая равномѣрно, спокойно выпускала снарядъ за снарядомъ.

Уже вечерѣло. Потянулись сѣрыя тѣни, какой то дымкой началъ подергиваться горизонтъ. Слѣва отъ насъ уходили вдаль мирные домики желѣзнодорожнаго поселка. Но тамъ не было жизни. Рука войны заколотила наглухо деревянныя ставни оконъ: тамъ, между сіяющимъ огнями Ростовомъ и нами, въ волнахъ подымающагося вечерняго тумана, какъ въ складкахъ бѣлесоватаго савана, за этой рукой войны вырисовывалась смерть...

Какой то черный столбъ взвился надъ крайнимъ домикомъ: разорвался непріятельскій снарядъ. Черезъ секунду такой же черный столбъ взвился съ лѣваго борта орудія, шагахъ въ пятнадцати. Черезъ мгновенье снарядъ упалъ направо отъ насъ и опять взвилъ за собой черный фонтанъ земли. И опять не было времени подумать — куда же упадетъ слѣдующій непріятельскій снарядъ.

Но снаряды перестали падать: должно быть

непріятельскій бронепоѣздъ ушелъ домой по направленію къ Ростову. Стало уже темно. Мы ушли на прежнюю позицію.

Мы собрались въ кабинкѣ у перваго орудія. Мы ничего не ѣли и не пили за весь день. Было пріятное утомленіе отъ тяжелаго дня, который окончился для насъ благополучно.

Комбронъ — командиръ бронепоѣзда — капитанъ З., былъ доволенъ этимъ ушедшимъ днемъ. При свѣтѣ керосиноваго фонаря, у чугунной печки, собрались мы всѣ, солдаты и офицеры орудія. Мирно кипѣлъ чайникъ, разсказывая какую то пѣсню; не доставало только сверчка на печи.

— Жаль, что вчера вы не были у насъ, профессоръ, — сказалъ капитанъ З. Вчера было много интереснѣе. Помните, справа отъ насъ немного ближе къ депо, идетъ поле: тамъ кончается деревня. Вчера мы отбили наступленіе конницы Буденнаго.

— Они подошли всего версты на три, четыре, — продолжалъ капитанъ З., — и мы были противъ нихъ одни. Конница Топоркова должна была подойти съ минуты на минуту, и на насъ легла вся тяжесть сдержать ихъ кавалерію. Да, мы здорово побили имъ морду. Но вотъ явился Топорковъ. Это былъ самый критическій моментъ. Мы видѣли, какъ его конница построилась, какъ пошли они въ аттаку, какъ красные поспѣшно отступили...

Вѣстовой подалъ капитану бумагу. Тотъ нагнулся къ огню, прочиталъ ее и сказалъ:

— Отъ командира дивизіона: сегодня ночью приказано обстрѣливать Ростовъ. Первый обстрѣлъ въ часъ ночи, второй въ часъ сорокъ минутъ.

Въ маленькой кабинкѣ нашего орудія ярко горѣла печка. На скамьяхъ, на табуреткахъ сидѣли мы всѣ, уже тѣсно спаянные въ одну боевую семью. Были раньше офицеры и солдаты: теперь мы всѣ соратники одного дѣла.

Я прилегъ на одну изъ скамей и смотрѣлъ на огонь, который вспыхивалъ, бросая на потолокъ причудливыя тѣни. Вотъ точно также колебались тѣни, когда, юношей, я сидѣлъ на креслѣ передъ каминомъ въ нашемъ старомъ домѣ. Падали угли въ каминную рѣшетку; черныя обугленныя полѣнья, какъ башни сказочнаго замка, объятаго пламенемъ, выступали на фонѣ золотого огня.

Я любилъ сидѣть передъ каминомъ и мечтать. И мечталъ я больше всего о томъ, какъ сдѣлать мою жизнь красивой и достойной. И тогда еще, юношѣ, казалось мнѣ, что жизнь моя должна быть прежде всего подвигомъ. Во имя чего — я не зналъ этого. Я зналъ только, что я послѣдній отпрыскъ древняго баронскаго дома. За мною, въ глубь вѣковъ, уходили мои предки, — намѣстники, верховные судьи, ученые, поглощенные изученіемъ древнихъ книгъ, военные, духовные, изощренные въ тонкостяхъ іезуитской діалектики, и всѣ они — далекіе и близкіе — требуютъ отъ меня чего - то, чтобы я былъ достоинъ ихъ, чтобы я опять вернулъ ихъ роду прежній блескъ и прежнюю силу. Дѣдъ и отецъ порвали связь съ далекимъ западомъ и затерялись въ снѣгахъ холодной Россіи; внуку надлежитъ здѣсь вернуть обаяніе отдаленныхъ вѣковъ:

— И выйдетъ внукъ, писалъ я, —
..... и сойдетъ изъ высокаго замка.
Будетъ онъ биться, послѣдній наслѣдникъ ихъ чести,

Будетъ онъ биться жестоко, не зная
пощады,
Съ жаждой побѣды, съ жаждою славы
и мести...

Дрова въ печкѣ весело трещатъ, освѣщая темныя амбразуры для пулеметовъ и тяжелыя желѣзныя двери нашей бронированной камеры. Такъ - же трещалъ каминъ, когда я, въ близкомъ для меня домѣ, гдѣ я находилъ успокоеніе и радость жизни, готовился къ послѣдней борьбѣ за свободу народа. Меня ждалъ судъ, на который долженъ былъ предстать я, политическій преступникъ. Я бросилъ вызовъ трусливо сидящимъ и безропотно повинующимся. Я готовъ былъ биться, — теперь я уже зналъ за что, — за свободу народа, за его счастье, при которомъ мое личное счастье и моя личная свобода кажутся пустяками. Они судили меня, но я былъ спокоенъ, смотря судьямъ, сіяющимъ золотыми цѣпями, прямо въ глаза.

Я гордо принялъ вызовъ ихъ,
Когда меня они судили,
Когда, блестя въ цѣпяхъ своихъ,
Меня цѣпями перевили...
И это былъ не горя мигъ,
Но мигъ борьбы и ликованья:
Онъ былъ прекрасенъ и великъ
И для меня былъ оправданьемъ...

И вотъ теперь, я снова борюсь. Борюсь уже не съ чѣмъ - то абстрактнымъ за величіе рода моего, не съ гнетомъ абсолютизма за свободу моего, — да, моего, народа, но съ тѣми, кто такъ близко, на другой сторонѣ Дона, стоитъ торжествующій и заливаетъ кровью страну. И теперь я не мечтательный юноша, не пылкій студентъ, не

народный трибунъ, не общественный дѣятель, не ученый профессоръ: я теперь солдатъ. На лѣвомъ рукавѣ моей англійской шинели — трехцвѣтный треугольникъ. Наши дѣти будутъ гордиться этими скромными лентами.

Около часа выѣхали мы впередъ по направленію къ Ростову, по двумъ параллельнымъ путямъ. Рядомъ съ нами, вплотную стало орудіе капитана Д. Мы откинули борты, — и обѣ наши площадки соединились въ одну. Странно: еще сильнѣе почувствовалось наше единство. Эта возможность перейти съ орудія на орудіе, какъ будто еще спаяла насъ общностью дѣйствій.

Кругомъ была черная ночь. Нахичеванскіе огни блестѣли яркой короной. Надъ Ростовомъ стояло зарево электрическаго свѣта. Туда мы пустили сейчасъ десятка два бомбъ.

И въ грохотѣ выстрѣловъ, въ блескѣ орудійныхъ вспышекъ, когда темными силуэтами выступаютъ наши фигуры, чувствовалось то упоеніе боемъ, которое, по выраженію поэта живетъ:

.... И въ Аравійскомъ океанѣ,
И въ дуновеніи чумы ....

А на утро, туда, гдѣ третьяго дня отразили конницу Буденнаго, потянулась вновь наша кавалерія. На фонѣ степныхъ холмовъ, черными группами строились всадники. И далеко, далеко, какъ только могъ хватить глазъ, до мельчайшихъ подробностей видны были эти конныя фигуры, которыя уходили въ туманную даль. А тамъ, на горизонтѣ, рвались шрапнели, и предательскими вспышками обозначались непріятельскія баттареи.

Туда пошлемъ мы сейчасъ снаряды. Мы не только едины въ нашей бронепоѣздной семьѣ; мы, и наша кавалерія, и наша пѣхота, — мы едины въ славной Добровольческой Арміи. Она возрож-

дается, эта армія. И Деникинъ, котораго въ одной статьѣ я назвалъ безстрашнымъ воиномъ и безупречнымъ гражданиномъ, — ведетъ всю эту единую армію къ новымъ побѣдамъ. Надо стать, какъ онъ, не только безстрашнымъ воиномъ, надо совершить еще болѣе трудное, — стать безупречнымъ и не похожимъ на нашихъ враговъ.

Въ сводкѣ корпуса отмѣчено дѣйствіе бронепоѣзда "На Москву". У меня уже развилось чувство профессіональной гордости. Это большая честь и большая тяжесть, — быть первымъ среди равныхъ.

Поручикъ Р. сказалъ сегодня, что выше идеала единой Россіи (и большевики стремятся къ единой Россіи) стоитъ идеалъ правды и добра, за который мы боремся. И тѣмъ, которые скажутъ, что Россія стоитъ превыше добра, можно отвѣтить хорошей англійской фразой:

— Дорогая моя, я не любилъ - бы тебя такъ сильно, если - бы я любилъ тебя больше своей чести...

Я понимаю это. Почти то - же сказалъ я, разставаясь съ любимымъ человѣкомъ, чтобы идти въ армію, когда она погибала.

Двѣнадцать сутокъ пробылъ я на позиціи. Были дни затишья. Были дни интенсивной работы. Разъ выпустила одна наша пушка сто шестьдесятъ снарядовъ за день. На насъ наступало одиннадцать большевистскихъ полковъ. Ихъ аттаки опять отбиты.

Я грязенъ, какъ послѣдній угольщикъ. Мои руки покрылись саломъ, углемъ, керосиномъ и какой - то корой. Но мнѣ радостно, что я работаю въ этой лабораторіи будущей Россіи.

Какой - то невѣроятный морозъ съ рѣзкимъ сѣверо - восточнымъ вѣтромъ. Мы всѣ продрогли

Изо дня въ день все дрожитъ въ насъ отъ холода. Мы не спимъ цѣлыми ночами.

Но мы бодры, какъ въ первый день. Ни холодъ, ни полуголодное существованіе не сломятъ нашей рѣшимости. Если насъ прогонитъ Кубань, мы уйдемъ всей нашей семьей вслѣдъ за Деникинымъ, погрузимся на пароходъ, — но рано или поздно мы пробьемся къ Москвѣ. Только тамъ будетъ нашъ отдыхъ. Только тамъ мы сможемъ сказать нашей родинѣ: — Нынѣ отпущаеши раба Твоего... Яко видѣста очи мои спасеніе Твое...

Пріѣхала смѣна, — и опять я поживу четыре дня въ базѣ, вымоюсь, приведу себя въ порядокъ. Но только подумать страшно, — всего шестьдесятъ четыре версты ѣхать не менѣе цѣлыхъ сутокъ.

Вотъ тутъ видно, до чего мы дошли. Эшелоны, темные, неосвѣщенные, пройдутъ одну - двѣ станціи, остановятся на неопредѣленное время и опять какимъ - то толчкомъ продвинутся верстъ на десять.

Такъ въ умирающемъ организмѣ сердце, лѣниво и вяло, проталкиваетъ кровь: сдѣлаетъ одинъ - два удара, остановится, раздумаетъ и опять протолкнетъ, чтобы остановиться снова.

Страна умираетъ. Но не умираетъ вѣра, что она оживетъ вновь.

17 Января. Кущевка. База.

Я хотѣлъ скорѣе уѣхать на позицію и уже получилъ разрѣшеніе отъ командира орудія, поручика Юрія Л., но капитанъ З. вызвалъ меня и заявилъ, что я ему очень нуженъ для составленія доклада въ высшія сферы, и дня два-три онъ меня задержитъ.

Докладъ, по мысли капитана З., долженъ впервыхъ изложить картину нашей жизни во время

боевъ, и во - вторыхъ — картину тѣхъ возмутительныхъ безпорядковъ, которыми полна дѣятельность интенданства и желѣзнодорожной администраціи. Благодаря ихъ произволу и бездушному бумажному отношенію, мы сидѣли холодные и голодные на передовыхъ позиціяхъ, отстаивая отъ непріятеля переправы черезъ Донъ. На время этой работы я освобождался отъ всѣхъ нарядовъ.

Конечно, докладъ — это болѣе мнѣ свойственно, чѣмъ что либо другое, только я никакъ не пойму, какой долженъ быть его тонъ Капитанъ З., видимо, хочетъ яркаго описанія боевъ и лишеній нашей жизни; но такой полуфельетонный тонъ никакъ нельзя совмѣстить съ докладомъ генералу; докладъ долженъ быть выдержанъ въ сухомъ дѣловомъ тонѣ. Вечеромъ я читалъ проѣктъ капитану З., который имъ явно не удовлетворенъ. Онъ находитъ его блѣднымъ и хотѣлъ бы болѣе красочныхъ и сильныхъ выраженій. Но тогда никакъ нельзя совмѣстить этотъ тонъ съ полуоффиціальнымъ обращеніемъ.

Я далъ тетрадь съ моими записками капитану Д. Черезъ нѣкоторое время онъ принесъ мнѣ ее въ теплушку и передалъ мнѣ четыре странички исписанной почтовой бумаги въ качествѣ отвѣта. Я при немъ прочиталъ про себя его письмо.

«У Васъ за спиной крылья — пишетъ онъ, — на сердцѣ — радость; въ душѣ энтузіазмъ и горѣніе. А я настолько моложе и меньше Васъ. Я завидую Вамъ, какъ нищій богачу, Вашимъ переживаніямъ, въ которыхъ Вы больше всего юноша съ такимъ живительнымъ огнемъ... Моя душа прошла какъ разъ обратный путь.

Я впервые почувствовалъ, что начинаю зябнуть, когда мы отражали конницу Буденнаго... Мои казаки и кадеты, какъ дѣти, испытующе смотрѣли

мнѣ въ глаза и искали, какъ прежде, въ нихъ спокойствія и огня, а я почувствовалъ внутри себя ледокъ, что не могу имъ дать той гипнотической силы, которая увлекаетъ другихъ и можетъ бросить безъ разсужденія на смерть. Я, кажется, Вамъ говорилъ, что только какъ грубый воинъ, грубымъ словомъ я поднялъ въ нихъ энергію и силу. Вы, какъ аристократъ духа, осудили меня за это; а я понялъ, что это первые аккорды финала моей пьесы».

"Въ этотъ моментъ, когда вся душа моя рвалась къ нему, я не могъ перекинуться съ нимъ хотя - бы парой словъ. Въ нашей теплушкѣ былъ народъ; у него въ купэ — тоже (онъ живетъ не одинъ).

— Мы сейчасъ пойдемъ съ Вами гулять, — сказалъ я ему, — и мы пошли вдвоемъ въ станицу.

Былъ рѣзкій вѣтеръ. Вечерѣло. Въ станціонномъ садикѣ, гдѣ вчера висѣли на страхъ всему міру два повѣшенныхъ солдата за дезертирство, обледенѣлыя вѣтви деревьевъ стучали, какъ какія - то кастаньеты. Мы вышли въ поле, а потомъ въ унылую, нудную станицу, какую - то безлюдную и почти злобную. А мнѣ хотѣлось теплой комнаты, гдѣ мы вдвоемъ могли - бы нащупывать дружескую душу, гдѣ былъ - бы рояль, который запѣлъ бы подъ ударами нервной руки; гдѣ можно было - бы идти не только съ нимъ рядомъ, какъ двумъ случайнымъ спутникамъ, но взять его нѣжно за руку, погладить его голову, поцѣловать его, какъ цѣлуютъ ребенка....

Вечеромъ, послѣ того, какъ я читалъ капитану З. проектъ доклада, я былъ неожиданно приглашенъ въ офицерское собраніе. Это, собственно, довольно необычное приглашеніе, ибо до сихъ

поръ, кажется, ни одинъ солдатъ не былъ приглашаемъ въ офицерскую столовую.

Капитанъ З. встрѣтилъ меня и предложилъ мѣсто за однимъ изъ маленькихъ столиковъ — на четыре прибора: кромѣ меня, за столикомъ сидѣли поручики Я. и Р. Послѣ ужина мы остались вчетверомъ, обсуждали вновь проектъ доклада, а затѣмъ капитанъ З. попросилъ меня прочесть мои записки.

У меня было двойное чувство: съ одной стороны было неловко приступить къ чтенію интимныхъ записокъ, гдѣ были, кромѣ того, характеристики двухъ офицеровъ. Но главное, послѣ письма капитана Д., которое начиналось словами: "Вы дали мнѣ свою тетрадь и съ ней частицу своей души"... мнѣ казалось, что это будетъ ужасно, когда онъ узнаетъ, что частички своей души я раздаю такъ легко. Но я вспомнилъ, что неоднократно съ поручикомъ Р. говорили мы о необходимости пропаганды во имя созданія воиновъ новаго типа. Мнѣ показалось, что мои записки есть пробный камень для такой пропаганды. И я прочелъ в с е съ небольшими пропусками.

Сегодня днемъ мы вновь обсуждали докладъ. Капитанъ З. опять не пускаетъ меня на фронтъ, хотя мнѣ такъ хочется — пока есть возможность скорѣе приступить къ снятію панорамы Ростова съ наблюдательнаго пункта. На графленой бумагѣ должны быть нанесены угломѣры всѣхъ главнѣйшихъ пунктовъ въ Ростовѣ и Нахичевани. Конечно, мнѣ, какъ математику и, отчасти, — чертежнику, эта работа болѣе подходяща чѣмъ прибойникомъ подталкивать снарядъ. Если - же примѣненіе этой панорамы облегчитъ обстрѣлъ Ростова, то, конечно, — это важнѣе, чѣмъ бумажные доклады разнымъ генераламъ. Но капитанъ З. твердо

рѣшилъ ѣхать не раньше начала февраля и до того времени не отпускать меня на позиціи. Буду пока мариноваться въ милой Кущевкѣ.

28 Января. Кущевка. База.

Вчера, во время обсужденія деталей доклада возникла мысль, чтобы вообще связаться съ внѣшнимъ міромъ и общественными кругами. Капитанъ З. вполнѣ основательно думаетъ, что легче всего было - бы осуществить это черезъ Союзъ Торгово - Промышленныхъ дѣятелей Центральной Россіи, построившій нашъ поѣздъ, и что слѣдовало бы командировать въ Новороссійскъ поручика Р.

Тотъ категорически отклонилъ это, въ формѣ не допускающей возраженій. Тогда капитанъ З. сказалъ:

— Для этой цѣли можно было - бы командировать Владимира Христіановича...

Меня охватило какое - то необычайное пріятное чувство. Поѣхать въ Новороссійскъ съ оффиціальной миссіей, увидѣть опять нашихъ общественныхъ дѣятелей, завертѣться въ сферахъ Государственнаго Объединенія, Національнаго Центра и Союза Возро[illegible] — показалось вдругъ чрезвычайно заманчивымъ.

Но едва ли легко наладить эту связь. Да вообще, гдѣ всѣ они, въ Екатеринодарѣ, или поближе къ морю на случай "драпа", — въ Новороссійскѣ? Я знаю только одно, что профессоръ А. В. Маклецовъ, правитель дѣлъ Національнаго Центра въ настоящее время въ Новороссійскѣ. и узналъ я это совершенно случайно. Я проходилъ по перрону Кущевскаго вокзала, на стѣнѣ висѣлъ номеръ "Вѣстника Штаба". Среди разныхъ сообщеній было напечатано, что находящійся въ Новороссійскѣ харьковскій профессоръ Маклецовъ, опубликовалъ списокъ послѣднихъ жертвъ крас-

наго террора въ Харьковѣ. Среди перечисленныхъ фамилій, я съ ужасомъ увидѣлъ фамилію прис. пов. Б. П. Куликова.

Какъ трагична судьба Бориса Павловича. Я любилъ его за его блескъ и за какой - то юношескій огонь. Въ "соціалистической думѣ", сидя на мѣстахъ народныхъ соціалистовъ, онъ громилъ большевиковъ часто съ большимъ остроуміемъ и пафосомъ. Когда я, въ декабрѣ 1917 г. вступилъ въ число гласныхъ этой печальной памяти думы, онъ — старый муниципальный дѣятель — ввелъ меня въ первое засѣданіе.

Пришли нѣмцы, возсіялъ на кіевскомъ престолѣ ясновельможный панъ гетманъ, — и пришли, наконецъ, большевики. Красный туманъ заволокъ все вокругъ. Судъ былъ упраздненъ, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ разогнано и объявленъ наборъ "правозаступниковъ". Лучшія с[illegible] харьковской адвокатуры отклонили съ негодованіемъ это предложеніе, и адвокаты третьяго разряда, сомнительные «ходатаи по дѣламъ» наполнили кадры новаго института. Среди видныхъ именъ было только двое адвокатовъ, пошедшіе въ правозаступники; одинъ изъ нихъ былъ Б. П. Куликовъ.

Большевиковъ прогнали, — и сословіе присяжныхъ повѣренныхъ судило тѣхъ, кто въ тяжелые дни большевизма измѣнилъ знамени присяжной адвокатуры. Б. П. Куликовъ защищался съ какой - то запальчивостью. "Не вы — а мы были хранители лучшихъ традицій", — бросалъ онъ с[illegible] противникамъ. — Какъ врачъ не имѣетъ права отказать въ помощи, такъ и адвокатъ долженъ прежде всего защищать. И чѣмъ судъ несовершеннѣе, тѣмъ больше — его долгъ"...

"Недѣля о правозаступникахъ" кончилась и

для Б. П. Куликова оставила рѣзко испорченныя отношенія съ прежними друзьями, испорченную общественную репутацію и толкнула его, естественно, въ оппозицію къ существующему строю. "Вы правѣете", — сказалъ онъ мнѣ однажды. — "А я лѣвѣю съ каждымъ днемъ". Онъ былъ наиболѣе яркимъ представителемъ тѣхъ, кто отказывалъ Добрармію въ какомъ либо признаніи. для кого приходъ ея былъ испорченъ силою событій...

И когда всѣ бѣжали изъ Харькова, онъ — какъ тогда говорили — остался тамъ.

Жаль человѣка, талантливаго, экспансивнаго, но неустойчиваго. Умереть отъ руки большевиковъ — и послѣ всего того, что произошло съ нимъ — это несчастіе, выше котораго не представишь.

Когда я вернулся въ теплушку и легъ на свою койку, — я вдругъ почувствовалъ, что ко мнѣ — незамѣтно и тихо — подкралось искушеніе.

Мнѣ казалось, что я сжегъ свои корабли; что по крайней мѣрѣ до занятія Москвы, я останусь только солдатомъ, что мое прошлое подверглось забвенію. И тотъ постепенно, совсѣмъ незамѣтно, вынырнуло это прошлое. Сперва кое-кто изъ офицеровъ сталъ называть меня "профессоромъ". Потомъ у меня въ рукахъ появился портфель, съ которымъ я сталъ путешествовать съ проектами докладовъ. Потомъ я очутился за ужиномъ въ офицерской столовой и сталъ называть въ неофиціальной бесѣдѣ командующаго поѣздомъ Владиміромъ Николаевичемъ. И, наконецъ, вынырнулъ вопросъ съ общественными дѣятелями и даже о командировкѣ въ Новороссійскъ.

Все это создаетъ душевную смуту. И хуже всего то, что у меня не хватаетъ силъ бороться съ искушеніемъ.

Скоро ожидается наступленіе на Ростовъ и пріѣздъ на позиціи Сидорина и Деникина.

Я чувствую, что люблю Деникина такъ, какъ солдатъ можетъ любить своего вождя. Я вспоминаю "Войну и Миръ", гдѣ описывается это чувство любви къ государю, когда хочется просто умереть на его глазахъ. Такой-же любовью люблю я Деникина, этого благороднаго страдальца за русскую землю.

Я ненавижу Кубань, куда судьба загнала меня. Здѣсь все такъ противно и чуждо. Нудный скучный пейзажъ, однообразный до тошноты, т. е., правильнѣе, отсутствіе всякаго пейзажа. Просто ровная доска, безъ зелени деревьевъ, безъ пригорковъ, безъ долинъ, наконецъ, почти безъ воды.

Такой-же противный и климатъ. Утромъ можетъ быть весна, а вечеромъ морозъ съ противнымъ леденящимъ вѣтромъ. Морозы держатся упорно и кажется нѣтъ имъ конца.

Люди хмурые и противные. Въ Ростовѣ я видѣлъ эту здоровенную казачню, которая драпала по Садовой и Таганрогскому проспекту. Шли на "родную Кубань", обнажили фронтъ — и имъ, этимъ здоровеннымъ мужикамъ, не было стыдно. Но, конечно, вѣнецъ кубанскаго безобразія это ихъ знаменитая Рада. Тонъ, съ которымъ они заговорили съ Деникинымъ, есть тонъ лакея, почувствовавшаго силу... И у этого лакея нѣтъ намека на чувство государственной перспективы... Въ моментъ, когда усиліями Донцовъ и остатковъ Добровольческой арміи такъ счастливо налаживается сопротивленіе, они готовы отправить насъ на Принцевы острова, на Мальту — куда угодно, только бы стать "самостійными". Можетъ быть послѣднее имъ и удастся; но не болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ - другой.

30 Января. Кущевка. База.

Вчера я шелъ по перрону съ капитаномъ Д. и моимъ товарищемъ, Мишей Коломійцевымъ. Навстрѣчу намъ шли двѣ молодыя дамы съ какимъ - то офицеромъ и солиднымъ полковникомъ Я сдѣлалъ подобающее случаю выраженіе лица и отдалъ полковнику честь. И вдругъ одна изъ дамъ рѣзко обернулась и сказала:

"Вѣдь это нашъ профессоръ"...

Кто она — я не знаю. Мы попробовали пойти вслѣдъ за ними, надѣясь, что они вернутся, но они пошли куда - то прямо и скрылись изъ виду. И странно — вдругъ захотѣлось безумно узнать, кто эта курсистка, и познакомиться.

Опять прошлое выплываетъ яркимъ пятномъ. Опять изъ солдатской шинели выглядываетъ "профессоръ". Опять нарушается спокойствіе духа, которое можно обрѣсти только въ полной нивеллировкѣ и отреченіе отъ прошлаго.

Сегодня я получилъ предложеніе ѣхать въ Новороссійскъ, — не въ формѣ приказанія, но въ формѣ вопроса; не хочу ли я? Во всякое другое время я поѣхалъ бы. Но теперь, когда ожидается наступленіе на Ростовъ, я не могу уѣзжать.

Я отказался.

1 Февраля. Кущевка. База.

Недавно въ дивизіонѣ супруги Н. получили письмо изъ Екатеринодара, отъ профессора К. Сейчасъ же стало извѣстно это всему поѣзду и произвело большую сенсацію, ибо письмо получено по почтѣ, а не съ оказіей. Мы уже перестали вѣрить въ почту и живемъ въ этомъ отношеніи настоящими дикарями; теперь будемъ понемногу къ ней пріучаться

Супруги Н. играли большую роль въ исторіи

моего поступленія на бронепоѣздъ. Когда въ Харьковъ вступили добровольцы, онъ — приватъ-доцентъ университета — поступилъ добровольцемъ на бронепоѣздъ. Въ Ростовѣ, когда я уже рѣшилъ поступить въ армію, я узналъ отъ профессора К., что Н. пріѣхалъ въ Ростовъ и не сегодня - завтра будетъ у него.

— А нельзя ли мнѣ поступить въ бронепоѣздъ, неожиданно для самого себя сказалъ я.

— Едва - ли. Это очень трудно безъ протекціи, — отвѣтилъ К.

Но мнѣ всегда удавалось въ жизни, если я сильно желалъ. При сильномъ желаніи получается увѣренность, полная увѣренность въ томъ, что то, что я желаю, исполнится. И если только такая увѣренность явится — не было ни разу что бы я не достигъ цѣли. И тутъ вдругъ явились и желаніе иувѣренность. И когда я встрѣтился въ кабинетѣ у К. съ М-мъ Н., въ моемъ голосѣ звучали уже нотки гипнотической воли.

Я сказалъ ей прямо о желаніи поступить на поѣздъ и о моей просьбѣ къ Василію Никитичу предпринять нужные шаги.

Она сразу поняла меня, не протестовала — и видно было, что она сдѣластъ все.

На слѣдующій день я имѣлъ свиданіе съ Василіемъ Никитичемъ. Онъ счелъ своимъ долгомъ пространно изложить, какъ трудно будетъ мнѣ на бронепоѣздѣ. К. слушалъ молча—и иногда неопредѣленная улыбка пробѣгала по его лицу. Когда Н. кончилъ, я твердо сказалъ:

— Обратитесь къ полковнику Б., чтобы меня зачислили. — Это было послѣднее мое слово.

Вѣра Ростиславовна Н. молодая дама съ тонкимъ лицомъ и совершенно бѣлыми волосами. Она прекрасно владѣетъ иностранными языками и въ Харьковѣ, въ редакціи "Новой Россіи", была

переводчицей. Я съ ней встрѣчался каждый день, сухо кланялся — несмотря на то, что очень ей симпатизировалъ, и уходилъ въ кабинетъ редактора.

Только въ Ростовѣ, въ кабинетѣ у К., я почувствовалъ къ ней необыкновенное довѣріе и дружбу. И когда я уже былъ зачисленъ солдатомъ, я поцѣловалъ ей руку и сказалъ:

— Благодарю васъ, что вы помогли мнѣ исполнить долгъ моей чести...

Я знаю, что она носитъ съ собой всегда ціанистый кали, на случай плѣненія большевиками (она живетъ съ мужемъ въ дивизіонѣ). Я попросилъ у нея нужную порцію; она обѣщала.

Наканунѣ отъѣзда на позицію въ первый разъ, я пришелъ къ ней въ купэ. Это было на Новый Годъ. Она лежала въ сыпномъ тифу, но была въ сознаніи. Она сейчасъ - же вспомнила о своемъ обѣщаніи и передала мнѣ маленькую пробирку съ бѣлымъ порошкомъ.

Я не имѣлъ бы никакой увѣренности на позиціи, если-бы у меня не было этой послѣдней возможности гордо умереть: въ плѣнъ я не сдамся.

Я сказалъ объ этомъ поручику Р. Онъ отвѣтилъ:

— Это нехорошо. Это грѣхъ.

Но я не вижу въ этомъ никакого грѣха. Въ послѣднюю минуту, на глазахъ у враговъ, которые будутъ меня обступать, я проглочу этотъ бѣлый порошокъ.

Завтра я уѣзжаю на позиціи съ боевой смѣной.Что-то должно произойти на-дняхъ; или наше наступленіе или нашъ разгромъ. Мы сдали Одессу: большевики подходятъ къ Ставрополю. Если это такъ, то мы далеко выдвинулись клиномъ. Какъ будто нехорошо въ Крыму. Но при всемъ этомъ

не падаешь духомъ, потому что смерть входитъ, — какъ ultima ratio — въ мою программу.

На фронтѣ сейчасъ Деникинъ. На фонѣ очертаній Ростова его фигура полна символическаго значенія.

Сегодня я съ капитаномъ Д. приглашенъ былъ на ужинъ въ дивизіонъ. Было совсѣмъ, какъ въ хорошемъ семейномъ домѣ. Любезный хозяинъ — полковникъ С. и интересная симпатичная его жена, мать моего молодого друга, кадета Пети. Была чистая скатерть, хорошіе приборы. Какъ давно не ѣлъ я такой рыбы и такихъ котлетъ. А потомъ погасили лампы и при свѣтѣ голубой лампадки передъ образомъ я и капитанъ Д. стали читать стихи.

Я слѣдилъ за красивымъ лицомъ Ольги Николаевны; временами пробѣгала по нему какая-то тѣнь. И я зналъ почему это: завтра вмѣстѣ съ нами уѣзжаетъ въ первый разъ на позицію Петя. И мы оба, въ сущности, прощаемся передъ боемъ.

Откланявшись, я зашелъ въ купэ къ Вѣрѣ Ростиславовнѣ. Я люблю ее все больше и больше. У нея такіе лучистые глаза, послѣ болѣзни.

— Дай Богъ вамъ всего добраго... — сказала она, а потомъ вдругъ остановилась. — Дайте я васъ перекрещу...

Я припалъ къ ея рукѣ своими губами и, казалось, что передо мной моя мать.

Я торопился, потому что надо было становиться на дежурство. Какъ тяжело простоять три часа въ холодную морозную ночь. Д. далъ мнѣ свою шубу, но все - же руки и ноги почти отмерзали, и вспоминалась мать. Ея овальный портретъ, похожій на старинную миніатюру, я ношу всегда въ лѣвомъ карманѣ френча.

Звѣзды блестятъ на бархатномъ небѣ. Захо-

тѣлось пѣть о чемъ - то далекомъ и ушедшемъ. Ремень винтовки рѣзалъ плечо — и боль эта, физическая соль, вмѣстѣ съ болью моего духа выливались тоже въ какой то ритмъ. И нараспѣвъ, иногда поправляя неудачныя фразы, я читалъ вслухъ новые стихи, вылившіеся этой темной ночью:

Всегда, когда иду въ бой,
Твой портретъ я беру съ собой...
На сердцѣ, сжатомъ комкомъ,
Его овалъ ляжетъ щитомъ.
Твой сынъ готовъ муки несть
Умирая за отчизны честь...
Дорогая, во имя любви,
Его на подвигъ благослови,
Пусть твой образъ спасетъ меня
Не отъ пуль и не отъ огня.
Если нужно, — сквозь портретъ дорогой
Пусть пуля пройдетъ иглой.
Но пусть твой овальный щитъ
Отъ смятенья духъ охранитъ,
Чтобы смерть воспрять съ лицомъ,
Озареннымъ счастья лучемъ....

И я шагалъ мѣрно съ ружьемъ на плечахъ дѣлая паузы на многочисленныхъ цезурахъ.

На другихъ постахъ такъ же мѣрно ходили другіе.

5 Февраля. 2 часа ночи. Батайская позиція.

Всѣ спятъ въ кабинкѣ орудія, кромѣ меня. Топится печка; завываетъ вѣтеръ...

Къ вечеру второго февраля, я вновь вступилъ на бортъ моей англійской лэди, — Виккерсовской пушки. А на утро изъ штаба корпуса стало извѣстно, что третьяго будетъ наступленіе на Ростовъ.

Полковникъ К., который только что вернулся изъ отпуска и теперь вступилъ въ должность ком-

брона, собралъ всѣхъ офицеровъ въ нашей кабинкѣ. Намъ предстояла тяжелая и отвѣтственная задача. Первая ударная полубаттарея съ пушками капитана Д. и поручика П. должна идти далеко впередъ, почти туда, куда пройдутъ легкіе бронепоѣзда; наши двѣ пушки поручиковъ Юрія Л. и С. — останавливаются на поворотѣ (мѣстѣ весьма пріострѣленномъ большевиками), и вступаютъ въ бой, поддерживая головную полубаттарею. Выступленіе должно произойти въ ночь съ третьяго на четвертое.

Необыкновенное чувство торжественной радости охватило меня. Весь день ходилъ я съ мыслью о томъ, что хорошо пріѣхать во время. А вечеромъ, несмотря на рѣзкій вѣтеръ и морозъ, я гулялъ съ моимъ другомъ, капитаномъ Д., и подъ покровомъ ночного мрака, дѣлился съ нимъ своими переживаніями.

Наканунѣ смертнаго боя выростали наши души. И въ первый разъ, разставаясь, поцѣловались мы, какъ два брата.

Какъ трудно писать, почти въ темнотѣ, безъ стола, держа на колѣняхъ тетрадь и къ тому же не карандашемъ, а углемъ для рисованія, который то и дѣло отказывается писать. Но я хочу сегодня бесѣдовать съ самимъ собою.

Ночное выступленіе отложено на слѣдующую ночь. Дѣнь прошелъ въ полномъ бездѣйствіи.

Я былъ въ кабинкѣ у капитана Д., и говорили мы о всякихъ пустякахъ. А потомъ пришелъ къ себѣ и увидѣлъ, что наши офицеры, вмѣстѣ съ полковникомъ, организовали блины. Поручикъ П. приготовилъ оказавшійся очень вкуснымъ форшмакъ, капитанъ З. на самодѣльной сковородкѣ пекъ блины, какъ заправскій поваръ.

Присутствіе полковника чрезвычайно стѣсня-

етъ. Я знаю, что онъ любитъ «цукать». Моему товарищу по теплушкѣ, юнкеру Кузнецову, влетѣло разъ отъ него за то, что, войдя,онъ приложилъ руку къ козырьку и сказалъ первымъ:

— Здравія желаю, г. полковникъ...

Кузнецовъ получилъ замѣчаніе. А въ другой разъ тотъ - же Кузнецовъ вошелъ съ докладомъ о числѣ снарядовъ на орудіи:

— Вы просили, г. полковникъ, доложить вамъ...

— Не просилъ, а приказалъ...

— Извиняюсь, г. полковникъ...

— Не извиняюсь, а виноватъ...

Конечно, я могу надѣлать тысячу lapsus'овъ, а подвергаться замѣчаніямъ, да еще въ рѣзкой формѣ, непріятно: Я остановился у дверей, приложивъ руку къ козырьку.

Полковникъ ѣлъ блинъ, не замѣчая меня. Простоявъ секунды двѣ, я опустилъ руку и подошелъ ближе къ столу, надѣясь поймать его взглядъ и успѣть козырнуть.

«Не хотите ли блина Владимиръ Христіановичъ, — спросилъ капитанъ З.

— "Ради Бога подождите, — сказалъ я ему на ухо: — я еще не успѣлъ привѣтствовать полковника"...

Дѣйствительно блинъ въ рукѣ очень осложнилъ бы мое положеніе.

Наконецъ я улучилъ минуту и во время козырнулъ. Тотъ улыбнулся и сказалъ:

— Добраго здоровія.

Здравія желаю, г. полковникъ.

Теперь можно было приняться за блины и водку, которую не пилъ со времени банкета въ честь генерала Бриггса.

Это былъ по истинѣ изумительный банкетъ.

Курскъ былъ сданъ, и очередь шла за Харьковомъ. Но у насъ не думали о сдачѣ. Въ большомъ залѣ коммерческаго клуба, убранномъ пальмами и цвѣтами, стоялъ громадный столъ,въ видѣ буквы П, кувертовъ на двѣсти. Англійскій генералъ сидѣлъ рядомъ съ генераломъ Май-Маевскимъ и городскимъ головою Салтыковымъ въ самомъ центрѣ. Было много рѣчей, (я говорилъ отъ имени партіи народной свободы). Было весело, сытно, какъ въ Москвѣ въ доброе старое время — такъ - же пьяно. Но сознаюсь, только разъ, между рыбой, приготовленный на винѣ, и ростбифомъ съ соусомъ изъ трюфелей, мнѣ показалось, что это пиръ Валтассара и что кто-то чертитъ на стѣнѣ роковыя слова.

А черезъ три недѣли, всѣ, кто собрались въ этомъ залѣ, были далеко отсюда, трясясь по темнымъ, холоднымъ теплушкамъ. Въ Харьковъ въ это время вступала красная армія.

Прошли еще сутки. Наступленіе какъ будто отложено.

Слышно, что взяли Торговую, что въ Крыму возстаніе. Тяжело быть въ это время добровольцемъ. Тяжело — и почетно.

Сегодня вечеромъ пришелъ въ гости командиръ бронепоѣзда "Генералъ Самсоновъ". Ѣли блины, пили водку, — и въ душѣ страдали, что наступленіе не вышло. И вдругъ раздались выстрѣлы съ непріятельскаго броневика. Побѣжалъ къ телефону. Приказано было открыть огонь.

Никогда не забуду этихъ десяти выпущенныхъ снарядовъ. Это была "офицерская работа" по выраженію капитана З.; наши солдаты спали далеко въ гагонѣ и изъ солдатъ былъ только одинъ я. Поручикъ П. наводилъ орудіе, капитанъ З. подавалъ снаряды, поручикъ Алексѣй Л., вызывая

всеобщій смѣхъ, подталкивалъ его пробойникомъ, я вставлялъ патрончикъ и по командѣ "огонь" дергалъ за шнурокъ въ какомъ то дикомъ азартѣ. Стало весело, какъ во время дѣтской шалости. Десять тяжелыхъ снарядовъ полетѣло въ Ростовъ.

При блескѣ одного изъ выстрѣловъ, увидѣлъ я капитана Д., подошедшаго къ борту.

— Владимиръ Николаевичъ, разрѣшите стрѣлять моей пушкѣ. — Въ его голосѣ звучала мольба и что-то дѣтское: такъ просятъ дѣти, когда боятся, что имъ откажутъ.

— Хорошо, будемъ стрѣлять взводомъ...

И когда рядомъ съ моимъ выстрѣломъ сталъ раздаваться выстрѣлъ капитана Д., чувство буйной радости упоенія боемъ окрасилось радостью отъ близости друга.

И только что кончилась наша симфонія пушекъ и капитанъ Д., взволнованный, прибѣжалъ въ нашу кабинку, раздалось приказаніе по телефону:

— Къ пяти часамъ утра быть готовымъ къ наступленію.

6 Февраля. 6 ч. утра. Батайская позиція.

Вотъ уже седьмой часъ — и не было приказа къ наступленію. Капитанъ З. говорилъ по телефону съ дивизіоннымъ: приказано было готовиться къ пяти утра не потому, что предполагаемъ мы выступать, а потому, что по агентурнымъ свѣдѣніямъ сегодня предполагается ихъ наступленіе. Въ эти жмурки играемъ мы уже цѣлый мѣсяцъ.

Какъ упало опять настроеніе. А вчера ночью, послѣ стрѣльбы — душа рвалась въ безконечную высь, и тѣло, которое такъ цѣпляется за жизнь, должно было замолчать въ этомъ сіяніи духа.

И опять я съ капитаномъ Д. бродилъ въ ночной мглѣ, въ адскій морозъ и вѣтеръ. Но намъ было тепло: насъ согрѣвала дружба. И не говорили мы другъ другу, но кричали, кричали, — и смѣялись, и почти плакали. И были мы оба молоды, какъ два шестнадцатилѣтнихъ юноши.

Наконецъ приближался этотъ мигъ, когда мы должны были поставить нашу жизнь на карту. И этотъ банкъ, который мы хотѣли сорвать, былъ Ростовъ. Что бы отдали мы, если-бы ворваться въ этотъ наглый городъ.

Вѣдь взявъ Ростовъ, мы кладемъ на чашку вѣсовъ первый грузъ, который долженъ потянуть вѣсы къ нашей побѣдѣ...

Капитанъ Д. посмотрѣлъ на небо; и казалось мнѣ, что въ его глазахъ блеснуло отраженіе этихъ далекихъ звѣздъ.

— Это не фразы, — почти кричалъ онъ, заглушая ледяной вѣтеръ. — Но сейчасъ, дорогой мой, я умеръ бы съ радостью за нашу дорогую мечту... Я не испугался бы ни пуль, ни бомбъ, ни шрапнелей, — и я сумѣлъ бы и людей повести спокойно на смерть, какъ водилъ ихъ раньше, въ первый мѣсяцъ Добрарміи ..

И вдругъ онъ наклонился ко мнѣ и голосомъ, въ которомъ было столько душевной теплоты, сказалъ мнѣ:

— А потомъ — вѣра моя падала и вмѣстѣ съ ней моя сила. И должно быть судьба, или Богъ — это все равно — послалъ мнѣ васъ, штатскаго человѣка, который влилъ мнѣ новыя силы своей вѣрой и своимъ огнемъ .

Ледяной вѣтеръ почти срывалъ мою легкую англійскую фуражку (я не люблю нашихъ теплыхъ камилавокъ, которыя при англійскомъ ко-

стюмѣ выглядятъ особенно безобразно). Но должно быть, дѣйствительно, во мнѣ разгорался огонь.

— Другъ мой, — сказалъ я ему, — поручикъ Р. убѣждалъ меня, что значеніе здѣсь мое гораздо больше, чѣмъ быть какимъ то номеромъ пушки. Теперь я въ это вѣрю. Вотъ, вы пройдете завтра впередъ, гордый и сильный, такъ какъ и въ вашу программу вошла смерть. И если я хоть немного помогъ Вамъ въ этомъ, я помогъ и всему нашему дѣлу, и всякій нашъ успѣхъ я раздѣляю съ Вами...

И вспомнилось мнѣ, какъ вчера въ кабинкѣ произошелъ разговоръ. Поручикъ Юрій Л. сказалъ, что мнѣ можно бы было поступить въ наводчики. Поручикъ П. отвѣтилъ ему:

— Я думаю все таки, что надо настоящаго наводчика (онъ назвалъ фамилію одного изъ солдатъ). Онъ парень смышленный и его можно бы подучить. А вѣдь профессоръ — это такъ, для удовольствія ..

Я ничего не возражалъ, да и смѣшно было бы возразить. Что могъ я сказать? Что искусство наводчика требуетъ смекалки и вовсе не требуетъ физической силы?Полагаю,что если солдата,даже очень смышленнаго, надо еще учить, то меня учить панорамѣ нечего. Что наводчикъ долженъ быть хладнокровнымъ въ бою? Но вѣдь они уже видѣли меня во время боя, и я могу утверждать, что никто никогда не видѣлъ моей растерянности.

Значитъ отчего? Оттого, что я для многихъ — маргариновый солдатъ; поддѣлка подъ солдата; должно быть "барину" просто захотѣлось продѣлать все это "для удовольствія".

А если бы догадались посмотрѣть въ мою

душу! И открыли бы они за этой оболочкой полуштатскаго человѣка, душу настоящаго солдата. Изъ всѣхъ, кто сейчасъ окружаетъ меня, только капитанъ Д. знаетъ это такъ-же, какъ и я.

— Такъ вотъ она, эта ночь, можетъ быть наканунѣ смерти... — сказалъ я ему. — И это совсѣмъ не такъ, какъ обычно описывается... А впрочемъ вотъ что; я не знаю, гдѣ прекратятся эти записки. Если онѣ прекратятся раньше, чѣмъ я бы этого хотѣлъ, продолжайте эту исторію "Москвы" дальше.

— Я обѣщаю вамъ, хотя очень этого не хочу. Хотѣлось бы, чтобы обѣ наши исторіи прекратились вмѣстѣ...

И снова попрощались мы съ нимъ долгимъ поцѣлуемъ.

10 Февраля. Батайская позиція.

Это было седьмого февраля, когда мы получили приказаніе взять Ростовъ

Мы вышли довольно далеко, оставивъ позади себя наблюдательный пунктъ, и открыли огонь изъ всѣхъ орудій. Морскія орудія, которыя стояли гдѣ-то рядомъ, открыли также пальбу по городскимъ баттареямъ. Намъ не отвѣчали. Рѣшительныя минуты еще не подошли. Казалось, что это обычная стрѣльба, которую вели мы не разъ за этотъ мѣсяцъ.

Но вотъ въ городѣ, въ районѣ вокзала, раздалась трескотня пулеметовъ. Все громче и громче. Это пѣхота корниловцевъ ворвалась со стороны станицы Гниловской. Тамъ, въ этомъ городѣ, который скоро долженъ быть нашъ, разгорался бой.

Нашъ поѣздъ медленно и плавно, пошелъ впередъ. По обводному пути мы проѣхали мимо

взорваннаго моста. Громадная желѣзная ферма однимъ концомъ держалась за устой быка, другимъ — безпомощно касалась земли.

Внизу, за бугоркомъ, расположились солдаты, направляющіеся на Ростовъ. Мы проѣхали дальше и вошли на длинную дамбу, обсаженную ветлами.

Справа и слѣва ширилась необозримая бѣлая равнина. А впереди виднѣлся Ростовъ, прямо въ двухъ шагахъ отъ насъ. Простымъ глазомъ можно было различить улицы, дома, всѣ детали, которыя раньше скрывались подъ покровомъ тумана. Мы остановились. И минуты черезъ три съ характернымъ свистомъ пронеслась первая шрапнель и разорвалась далеко за нами. Потомъ вторая, третья. Потомъ тяжелый снарядъ, — одинъ, другой, распространяющій черный дымъ и цѣлый фонтанъ земли.

Я сошелъ съ боевой площадки. Почти всѣ уже слѣзли тоже съ поѣзда и ходили по насыпи, въ одиночку и группами.

Ко мнѣ подошелъ К. Въ это время снарядъ, просвистѣвъ надъ нашей головой, врѣзался шагахъ въ восьми въ близъ стоящую ветлу.

— Ну, какъ Гога, весело?

— Да, весело, — сказалъ онъ. И не было въ нашемъ голосѣ ни тѣни столь естественнаго страха. Было на самомъ дѣлѣ весело.

Подошелъ Д.

— Я съ Вами, — сказалъ я ему. Мы посмотрѣли другъ другу въ глаза.

Огонь становился все сильнѣе. Я вошелъ въ бронированную кабинку, гдѣ сидѣлъ поручикъ П. И только успѣлъ я войти въ нее, какъ по телефону раздалась команда:

— Къ бою...

— Откинуть борты, — скомандовалъ Пирожковъ

Я вышелъ изъ дверей кабинки. Надъ головой низко, низко проносились почти ежесекундно непріятельскіе снаряды. Подъ этимъ обстрѣломъ придется сейчасъ работать на открытой площадкѣ.

Когда я выходилъ изъ двереи кабинки на площадку, что - то засосало и заныло подъ сердцемъ. — "Пустяки", — подумалъ я, и уже совсѣмъ твердо и холодно сталъ съ солдатами опускать борты.

Что-то пролетѣло надъ головой, что-то разорвалось гдѣ-то близко - близко, но я уже пересталъ замѣчать эти летящія бомбы. Повернувъ рукояткой пушку дуломъ почти на бортъ, мы стали ощупывать одну изъ непріятельскихъ батарей.

Поручикъ П. работалъ на панорамѣ прямой наводкой. Послѣ каждаго выстрѣла смотрѣлъ онъ въ бинокль. И вдругъ, почти въ восторгѣ, закричалъ:

— Попали! — вотъ они изъ-за угла домика приводятъ лошадей, увозятъ пушку съ опаснаго мѣста.

Теперь можно было хоть немножко отдохнуть. Полковнкъ К., который за болѣзнью полковника Б., замѣщалъ сейчасъ командира дивизіона, съ большимъ биноклемъ въ рукѣ, вошелъ на нашу пушку.

Я приложилъ руку къ козырьку.

— Здравствуйте профессоръ... Ну что, вы теперь довольны? — Почти надъ нашей головой разорвался бризантный снарядъ.

Да, я былъ теперь доволенъ. Мнѣ не разъ приходило въ голову, замѣчательное по моему мнѣнію, произведеніе Ибсена: «Борьба за престолъ». Въ этой изумительной драмѣ выводится образъ мрачнаго епископа Николаса. Онъ ненавидитъ міръ, потому что міръ насмѣялся надъ нимъ. Двѣ страсти когда то были у епископа: женщины и война. Но сладострастно желая женщинъ, Николасъ не могъ получить удовлетворенія. Желая страстно быть полководцемъ, Николасъ выказывалъ въ бою позорную животную трусость и бѣжалъ съ поля чести. И боялся я болѣе всего, что мечты мои, въ которыхъ хочешь всегда видѣть въ себѣ героя, смѣнятся на дѣлѣ, тѣмъ животнымъ страхомъ, когда ляскаютъ зубы и подгибаются колѣни. И вотъ этого не было. Я оставался совершенно покойнымъ. И только временами, какъ признакъ слабости, возникала одна и та-же мысль:

— Господи, почему такъ долго, такъ много часовъ подрядъ... нельзя ли скорѣе...

И вдругъ къ общей симфоніи разрывающихся снарядовъ, присоединились новые. — Вѣдь это легкій бронепоѣздъ... Возьмемъ его на прицѣлъ...

Мы сдѣлали три выстрѣла. Четвертый снарядъ былъ уже вложенъ, — оставалось мнѣ дернуть шнуръ.

— Огонь!

Я дернулъ шнуръ; и съ обычнымъ грохотомъ, послѣ котораго иногда раздается какая-то боль гдѣ-то далеко въ ухѣ, вылетѣлъ снарядъ. Но, пушка какъ-то неожиданно вздрогнула всѣмъ своимъ тѣломъ, какъ-то конвульсивно подпрыгнула и безжизненно опустилась....

— Сорвалась:

Наша пушка выбывала изъ строя въ самый разгаръ операціи.

12 Февраля. Степная. Въ пути.

Мы продолжали стоять на дамбѣ. Снаряды были уже для нашей пушки безполезны. Подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля стали перегружать ихъ съ нашей пушки на сосѣднюю пушку Д. Пока была работа,весь этотъ свистъ и гулъ разрывающихся снарядовъ производилъ мало впечатлѣнія. Но вотъ, работа кончилась, и какимъ-то безполезнымъ и выбитымъ изъ строя вернулся я въ свою кабинку.

Пушки продолжали громыхать. Одна непріятельская трехорудійная баттарея особенно яростно обкладывала насъ огнемъ.

Снаряды рвались надъ самымъ полотномъ съ какой-то дикой злобой. И опять, подъ сердцемъ начала зарождаться какая-то тоска. Я почувствовалъ, что усталъ.

Я вышелъ изъ кабинки на полотно. Уже стало темнѣть; но снаряды, — то бомбы, то шрапнели,— продолжали рваться, то далеко перелетая надъ нами, то ложась у самаго полотна. Я вошелъ въ пулеметный вагонъ и сѣлъ около печки. Глаза слипались. Ушелъ куда-то вдаль продолжающійся бой. По тѣлу разливалась пріятная истома. Я заснулъ.

Проснулся я, когда было уже совсѣмъ темно Я вышелъ изъ пулеметнаго вагона — и сердце заколотилось отъ прилива какого-то восторга. Мы стояли на серединѣ громаднаго желѣзнодорожнаго моста черезъ Донъ. Громадныя скрѣпы его желѣзной арки, эта ажурная грандіозная ферма казалась на фонѣ темнаго неба одновременно и грандіознѣе, и ажурнѣе.

Мы — въ Ростовѣ. Первая тяжелая задача выполнена. Армія доказала, что она можетъ исполнять приказы вождей.

Поѣздъ дернулся и медленно, и осторожно, какъ слѣпой, ощупывающій путь, пошелъ дальше. Вотъ, этимъ самымъ путемъ ходилъ я изъ Гниловской въ Ростовъ, въ тѣ дни, когда я еще колебался, — какъ мнѣ отрѣшиться отъ прошлаго и пойти въ армію. Еще саженъ сто и мы пріѣдемъ Моя нога с т у п и т ъ на Ростовскую почву.

Еще не успѣли мы доѣхать, какъ вошелъ поручикъ Алексѣй Л. съ небольшимъ мѣшкомъ. «Взялъ въ брошенныхъ большевистскихъ запасахъ — бульонъ Магги"...

Это было весьма кстати. Хлѣба не было, мы были всѣ голодны и отъ усталости чувствовалось это особенно сильно.

— Позвольте, я сварю ихъ для всей команды.

Я налилъ полъ ведра воды и бросилъ туда штукъ пятнадцать кубиковъ Магги. Въ нашей печкѣ весело трещалъ огонь. Я поставилъ на него ведро.

Теперь въ кабинкѣ я былъ одинъ: всѣ вышли на вокзалъ. Я зналъ, что многіе ушли за "военной добычей", и я остался нарочно, чтобы не видѣть въ этотъ торжественный для меня часъ человѣческихъ лицъ, искаженныхъ алчностью и жадностью. Пусть въ эту минуту Добровольческая Армія не поворачивается ко мнѣ другой стороною медали!

Прошло уже два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ на бронепоѣздъ. И за все это время, я только два раза былъ одинъ безъ людей. Однажды случилось какъ-то, что изъ теплушки ушли всѣ, кромѣ меня. У меня очень покладистый ха-

рактеръ, и я легко переношу тяжесть общежитія. Подобно тому, какъ во время боя, я могу, концентраціей мысли и воли, не замѣчать разрывающихся снарядовъ, я могу въ шумной компаніи двѣнадцати человѣкъ быть одинъ и заниматься собственными мыслями, и собственнымъ дѣломъ. Но когда я вдругъ остался на какихъ нибудь пять минутъ въ полномъ одиночествѣ, мнѣ стало такъ легко и такъ хорошо.

И вотъ теперь, я вновь оказался въ одиночествѣ. Вправо отъ вокзала, въ районѣ Садовой, раздавалась трескотня пулеметовъ; на печкѣ мирно кипѣлъ бульонъ — и въ душѣ, послѣ бури и напряженія царилъ мягкій покой.

Понемногу стали подходить съ добычей: тюками сахару, табаку, спичекъ, кожъ и прочаго товару. Нашъ боевой погребъ былъ разгруженъ еще сегодня днемъ, послѣ кончины нашей пушки: сейчасъ онъ сдѣлался универсальнымъ складомъ Мюръ и Мерилиза. Я знаю, что это естественно; что бороться съ этимъ трудно; что иногда — военная добыча — это вполнѣ законное дѣло. Но мнѣ обидно было, что на мѣстѣ снарядовъ лежатъ теперь товары, что лицо воина превращается въ лицо купца.

Кабинка уже наполнилась людьми. Стало совсѣмъ тѣсно. Нашли гдѣ-то краюху чернаго хлѣба. Я наливалъ бульонъ по кружкамъ и раздавалъ желающимъ.

— Нѣтъ ужъ, господинъ профессоръ, это пойло заячье, — сказалъ казакъ Харитоновъ, сплевывая на полъ.

— Развѣ не вкусно?

Въ это время вошелъ полковникъ К.

— Вы, говорятъ, профессоръ, угощаете буль-

ономъ, — сказалъ онъ. — Дайте мнѣ кружку. Ну какъ вы себя чувствуете?

Я не успѣлъ ему отвѣтить, какъ вступилъ въ разговоръ поручикъ П.

— Профессоръ былъ совсѣмъ молодцомъ, — сказалъ онъ. — Представьте, работалъ подъ нулевой вилкой, какъ ни по чемъ. Открывали борты. Пронесся снарядъ и разорвался въ трехъ шагахъ. Я уже думаю — нашъ профессоръ безъ головы. А онъ ничего — сталъ стрѣлять.

— Когда-же это было? Я ничего не замѣтилъ, — отвѣчалъ я. Дѣйствительно, я этого не помнилъ.

— А помните, была рядомъ съ вами ветла, а потомъ, когда опустили бортъ, ее уже не было, — сказалъ поручикъ П.

— Да, теперь я припоминаю.

И я вспомнилъ, только теперь, эту ветлу, которая, какъ подкошенная, упала подъ откосъ, и этотъ снарядъ, который со свистомъ гдѣ-то пронесся близко - близко надъ головой. Да, къ счастью для меня, все это было.

Вечеромъ приказано было вернуться въ Батайскъ; въ Ростовѣ оставались только легкіе поѣзда. И когда пріѣхали мы на прежнюю позицію, темная прежде станція Батайска блестѣла электрическимъ свѣтомъ. На сѣверѣ, тамъ, гдѣ сіялъ еще вчера Ростовъ, былъ безпросвѣтный мракъ.

Такъ Батайскъ торжествовалъ побѣду надъ Ростовомъ.

На слѣдующій день мы испытали тяжелыя минуты. Утромъ стало извѣстно, что красные вновь взяли вокзалъ. Снова раздалась изъ города пулеметная и орудійная стрѣльба. Стрѣляли, кажется, изъ-за города, за Темерникомъ. Потомъ

выстрѣлы стали стихать, и къ вечеру все успокоилось.

Ростовъ и Нахичевань сдѣлались нашими...

Наконецъ, это было девятаго февраля — я смогъ поѣхать въ Ростовъ. Поверхъ шинели я надѣлъ англійскую сумку; положилъ въ нее полотенце, мыло, немного сахару и мои записки; первое, что я сдѣлаю, разыщу Г. Идти въ только, что занятый городъ было небезопасно. Я накинулъ за плечи англійскую винтовку и обвязался патронташемъ.

Я сошелъ съ паровоза съ нашимъ чиновникомъ С. и какимъ-то офицеромъ. Рѣшили идти всѣ вмѣстѣ, пока не выяснится положеніе. Мы прошли нѣсколько шаговъ и повернули на гору, на Темерницкую улицу.

Сколько воспоминаній. Вѣдь сколько разъ ходилъ я по этому въѣзду въ Ростовъ, который такъ нервно ожидалъ красныхъ полчищъ. И по этому же спуску я провожалъ свою невѣсту и прощался съ ней на маленькомъ мостикѣ на путяхъ; я шелъ направо, въ бронепоѣздъ, стоявшій на вокзалѣ, она — налѣво, въ Гниловскую.

Былъ яркій солнечный день, слегка морозный. И первое, что намъ повстрѣчалось, — была старушка съ корзиночкой въ рукахъ.

— Бабушка, дайте пирожка, проголодались, — сказалъ С., обращаясь къ старушкѣ.

— Роднеѣькіе, дорогіе мои, берите милые, берите, Господь васъ благословитъ. Ужъ дождалась я свѣтлаго праздника, спасибо Царица Небесная... Кушайте, солдатики, кушайте...

Я никогда въ жизни не ѣлъ такихъ вкусныхъ пирожковъ. Я шелъ, держа въ рукѣ пирожокъ и уплетая его. Въ душѣ моей все сіяло. Встрѣчались

люди, незнакомые и чужіе. И смотрѣли они такими восторженными глазами, что, казалось, нѣтъ такой жертвы, которую жаль было бы принести, — лишь бы испытать восторгъ этихъ чужихъ и близкихъ глазъ.

— Вотъ они, идутъ, спасители наши...

— Родные, какъ измучились...

Боже мой, какое это счастье — войти въ освобожденный городъ и чувствовать, что ты самъ принималъ участіе въ его освобожденіи. Что ты рисковалъ жизнью, какъ воинъ, а не какъ зритель. Что идешь ты теперь запыленный и грязный — и идешь гордо; какъ раньше никогда не ходилъ, одѣтый въ чистое бѣлье и лучшія одежды.

— Съ счастливымъ возвращеніемъ... Присяжный повѣренный (онъ назвалъ свою фамилію). Это моя жена.

— Какъ я рада, какъ я рада.

Я иду дальше, уже теперь одинъ. Я спѣшу къ Г., на Почтовую улицу. Меня останавливаетъ дама:

— Вы спасли моего мужа... Онъ сидѣлъ въ чрезвычайкѣ. Если-бы не вы...

Дама плачетъ.

— Я такъ счастливъ, вы не представите себѣ...

Кругомъ собирается публика. И вдругъ раздается вопросъ:

— А сколько у васъ силъ? Прочно ли вы заняли городъ?

И въ вопросѣ этомъ чувствуется страхъ.

Я иду дальше по Почтовой улицѣ, нахожу тотъ домъ и ту квартиу, гдѣ живетъ Г. Дверь заперта; я напрасно стучу — никто не открываетъ. Сверху съ лѣстницы сбѣгаетъ чья-то прислуга.

— Къ кому вы стучите? Тамъ никто не живетъ... — говоритъ она.

— Какъ никто? А гдѣ же женщина, у которой жили на квартирѣ два молодыхъ человѣка?

— Ея теперь нѣтъ... а впрочемъ, если хотите узнать ея адресъ — этажемъ выше живетъ ея братъ.

Я почти вбѣгаю къ нему на квартиру и объясняю въ чемъ дѣло. Она переѣхала куда-то на Сѣнную; адресъ ея онъ сейчасъ скажетъ. Одинъ изъ ея квартирантовъ — З. — уѣхалъ на Кубань, когда совершилась эвакуація Ростова; Г. въ Ростовѣ и адресъ его знаетъ его бывшая хозяйка.

— Она переѣхала всего два дня тому назадъ... Вѣдь въ ихъ квартиру попала бомба. Г. сидѣлъ въ своей комнатѣ съ невѣстой. Въ сосѣднюю комнату упалъ снарядъ, разворотилъ мебель, разбилъ балконъ.

По времени попаденія это могъ быть только пятидюймовый снарядъ. И, очень возможно, что именно я пустилъ его къ Г. своею рукою. А вѣдь я такъ часто думалъ объ этомъ.::

Я уже сидѣлъ у нихъ за столомъ, пилъ чай и закусывалъ холоднымъ заливнымъ. Мальчикъ, лѣтъ десяти, сынъ хозяйки, смотрѣлъ восторженными глазами на мою винтовку. Глаза его горѣли. Онъ нѣжно трогалъ ее рукой и повторялъ:

— Я буду военнымъ. Я буду военнымъ.

Я поблагодарилъ любезныхъ хозяевъ, записалъ адресъ и отправился на Сѣнную. По дорогѣ меня не разъ останавливали, не разъ благодарили и почти всегда испытующе спрашивали:

— Надолго ли вы пришли?

Что я могъ отвѣтить имъ? Я говорилъ, что думаю, что Ростовъ мы не только взяли, но и

удержимъ. По слухамъ, уже Новочеркасскъ занятъ нами. Противъ Ростова былъ двинутъ цѣлый Добровольческій корпусъ отборныхъ войскъ.

— А вдругъ «товарищи» вернутся?

Но я такъ вѣрилъ въ нашу побѣду,въ наше наступленіе, я такъ хотѣлъ дальнѣйшаго нашего слѣдованія на сѣверъ, что моя вѣра заражала другихъ. И еще привѣтливѣе, еще восторженнѣе провожали они меня глазами.

Хозяйка Г. жила въ большой еврейской семьѣ. Было много мужчинъ, много женщинъ. Въ столовой, куда меня привели, стоялъ большой столовый столъ.

— Садитесь, садитесь, — любезно приглашалъ меня хозяинъ. — Закусите, чѣмъ Богъ послалъ; а потомъ мы васъ проводимъ прямо къ Г.

Выпили по рюмкѣ коньяку.

— За ваше здоровье.

Я разсказалъ имъ, что дѣлается по ту сторону роковой черты. Что Верховнымъ Правителемъ Юга Россіи является генералъ Деникинъ, что осуществлена федерація казачьихъ областей, что Мельниковъ является предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, а Тимошенко — предсѣдателемъ Верховнаго Круга; что, наконецъ, генералъ Шкуро живъ и командуетъ Кубанской Арміей. Почти все было имъ ново. Они слушали внимательно. Наконецъ, одинъ изъ присутствующихъ задалъ мнѣ робко вопросъ:

— А какъ обстоитъ теперь національный вопросъ?

И какая-то женщина сразу расшифровала его:

— Будутъ ли погромы?

Я отвѣтилъ имъ, что могу ручаться, что Деникинъ и высшее командованіе настроены рѣзко

противъ погромовъ и, вѣроятно, каково-бы ни было настроеніе отдѣльныхъ лицъ, погромовъ не допустятъ. Я говорилъ — и въ моемъ голосѣ, прежде увѣренномъ и сильномъ, не было уже прежней увѣренности и силы. Я думалъ о многомъ видѣнномъ и слышанномъ, и мнѣ становилось стыдно.

Я встрѣтилъ Г., подъ руку съ его невѣстой, недалеко отъ его квартиры. Еще минута и мы бы разошлись.

Его невѣста, — моя бывшая ученица по гимназіи — узнала меня первой. Тотъ прямо остолбенѣлъ; наконецъ, обнялъ меня и поцѣловалъ:

— Я бы васъ никогда не узналъ, — сказалъ онъ. — Вы такъ поправились и помолодѣли. Наконецъ, у васъ такой боевой видъ. И когда мы проходили въ его квартиру мимо большого трюмо, я съ интересомъ посмотрѣлъ на себя. Большого зеркала не видѣлъ я уже два мѣсяца. И сейчасъ, когда я посмотрѣлъ на него, я увидѣлъ запыленнаго и грязнаго боевого солдата, обвѣшаннаго сумкой, винтовкой и патронташемъ. И сквозь пыль и грязь моего лица свѣтились глаза, въ которыхъ игралъ какой-то юношескій блескъ.

Первое, что я хотѣлъ, подѣлиться съ Г. моими впечатлѣніями. Я началъ ему читать свои записки.

— Я завидую вамъ, — сказалъ онъ, когда я кончилъ. — У меня такъ смутно и тревожно на душѣ... — Вѣдь я совсѣмъ собрался съ Ниной въ Харьковъ; задержало меня только неожиданное взятіе Ростова.

Мы перешли въ столовую. На хозяйскомъ мѣстѣ сидѣлъ его дядя, любезный сѣдой старичекъ. Было непривычно ѣсть за бѣлоснѣжной

скатертью; такъ, какъ полагается въ хорошемъ буржуазномъ домѣ.

Послѣ обѣда я простился и пошелъ съ Г. посмотрѣть на Садовую.

— Зайдемъ въ кафе Франсуа, — сказалъ я ему Въ этомъ кафе собирались мы всѣ харьковскіе бѣженцы. Хотѣлось именно, посмотрѣть, что дѣлается тамъ. Барышня меня сразу узнала. Привѣтливо кивнула головой и подошла къ столику:

— Два по варшавски и два по турецки, — заказалъ Г.

Мы сидѣли съ нимъ за столикомъ — и опять мнѣ казалось, что это какой-то счастливый сонъ.

Вся Садовая была запружена народомъ. По серединѣ двигались солдаты и конные разъѣзды; по троттуарамъ съ обѣихъ сторонъ шла непрерывная человѣческая стѣна. И взоры почти всѣхъ, особенно молодыхъ дѣвицъ, улыбались, какъ будто знакомому. И глаза многихъ говорили восторженно:

— Герой.

И я сталъ совсѣмъ юношей. Я почти плакалъ отъ счастья. И вспомнилъ я, что на Пушкинской живетъ мой пріятель, приватъ-доцентъ Е. Это онъ говорилъ мнѣ, что иду я спасти "погибшее дѣло". Тамъ я долженъ сегодня быть.

Мое прибытіе произвело цѣлую сенсацію. Кто-то пустилъ слухъ, что нашъ поѣздъ разбитъ — и онъ уже считалъ меня погибшимъ:

— Помните, вы говорили, что дѣло Добровольцевъ погибло, — сказалъ я.

— Я ничего не понимаю. Это чудо, — отвѣтилъ онъ.

— Да чудо, но надо вѣрить въ чудеса, чтобы они были, — продолжалъ я, но вспомнивъ, что

уже седьмой часъ, а въ семь мнѣ надо быть на вокзалѣ, поспѣшно откланялся.

— Оставайтесь ночевать.

— Нѣтъ, ужъ лучше завтра, я отпрошусь у командира сразу дня на два.

И я быстро побѣжалъ на вокзалъ. Улицы были совершенно темны и на нихъ не было ни души. Не встрѣчались даже солдаты. Я шелъ по этимъ темнымъ улицамъ со свѣтлой и радостной душой. «Боже, думалъ я, Ты посылаешь всетаки счастье. И для того, чтобы пережить одинъ такой день, какъ сегодня, я готовъ перетерпѣть еще десять ураганныхъ обстрѣловъ, готовъ быть раненымъ во время боя... Ты далъ мнѣ счастье, Господи, участвовать во взятіи Ростова. Ты далъ мнѣ счастье положить первый камень для нашего возрожденія».

13 февраля. Въ пути. Кущевка.

На вокзалѣ пришлось долго ждать и стало досадно, что я такъ торопился. Залъ перваго класса былъ совершенно пустъ; только маленькая группа нашихъ солдатъ стояла у одной изъ колоннъ. Нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ съ какимъ-то азартомъ складывали тюки награбленнаго сахару и ящики со спичками. При яркомъ свѣтѣ электрическихъ лампъ, при полной пустотѣ большого зала — такой грабежъ казался особенно циничнымъ.

Было около одиннадцати часовъ вечера, когда я съ группой нашихъ офицеровъ протиснулся въ вагонъ отходящей летучки. Въ вагонѣ было почти темно; чья-то стеариновая свѣча, прикрѣпленная къ окну, тускло освѣщала грязный вагонъ четвертаго класса. Старый генералъ — корниловецъ устраивался удобнѣе въ одномъ изъ отдѣленій, сбрасывая какой-то грязный матрацъ,

лежавшій на одной изъ скамей. Ему помогли вышвырнуть этотъ матрацъ; сразу стало свободнѣе.

— Господа, здѣсь есть мѣста, садитесь, — сказалъ генералъ.

Я сѣлъ какъ разъ противъ него. Свѣча освѣщала его умное и интересное лицо, съ подстриженной сѣдой бородкой. Въ рукахъ у него былъ костыль.

Разговорились. Говорили о денежной валютѣ, объ экономическомъ нашемъ крахѣ, о томъ, какъ во Франціи исчезли сантимы и остались су. То-же произошло и съ нашими копейками: ихъ нѣтъ — и самая мелкая единица, пожалуй, это пять рублей.

— Да, Ваше Превосходительство, только вѣра въ конечное торжество нашего дѣла способна поддержать наши силы, — сказалъ я. — И вотъ первый шагъ сдѣланъ — Ростовъ взятъ.

Генералъ какъ-то странно переглянулся съ Корниловскимъ офицеромъ, и отъ этого взгляда захолодѣло у меня въ душѣ. Я вспомнилъ, какъ на вокзалѣ подошелъ къ намъ чиновникъ С. и сказалъ: «Мнѣ передали изъ штаба Корниловской дивизіи, что подъ Торговой и Тихорѣцкой обнаруженъ глубокій обходъ и поэтому Ростовъ будетъ сданъ». — Поменьше распространяйте такіе паническіе слухи, — отвѣтилъ ему рѣзко поручикъ Алексѣй Л. И вотъ теперь, въ этомъ взглядѣ генерала вдругъ почудилось мнѣ, что это правда

— Вы радуетесь занятію Ростова, продолжалъ генералъ. Но я считаю, что вообще наступать теперь не слѣдуетъ: намъ надо уйти.

— Уйти?... Но куда же, Ваше Превосходительство? На Мальту?... На Принцевы острова?... Въ Сербію?...

— Нѣтъ, намъ не надо покидать родной почвы. Есть неприступная узкая полоска земли — между Сочи и Туапсе. Мы должны щадить нашу драгоцѣнную (я говорю это безъ всякой иронiи) жизнь. Туда надо стянуть остатки славной Добровольческой Арміи — и ждать. Можетъ быть, годъ, два, три. Дождаться, когда бабы пойдутъ съ вилами... Плодъ еще не созрѣлъ; тогда онъ упадетъ прямо на насъ — и тогда только мы должны выйти.

— Пока мы дружимъ съ Англіей, Черноморскій флотъ въ нашихъ рукахъ, — продолжалъ генералъ. — Эта будетъ дѣйствительно неприступная наша твердыня. Пусть насъ соберется немного, тысячъ двѣнадцать, но отборныхъ войскъ, готовыхъ на все. Пусть тамъ не будетъ духа наживы и спекуляціи, которыя разъѣдаютъ наши войска. Пусть соберутся тамъ тѣ, въ комъ живъ духъ незабвеннаго Корнилова...

Мнѣ хотѣлось поставить точку надъ і.

— Ваше Превосходительство, развѣ Вы не чувствуете, какое значеніе для всѣхъ имѣетъ взятіе Ростова? Это первый шагъ къ дальнѣйшимъ нашимъ побѣдамъ. Какой счастливый день я испыталъ сегодня въ городѣ. Я торопился, но я сегодня же попрошу командира отпустить меня въ Ростовъ дня на два...

— Взятіе Ростова — это новые лавры въ вѣнокъ Добровольческой Арміи и большая ошибка, сказалъ генералъ. Вы въ этомъ скоро убѣдитесь. А командиръ, — я въ этомъ увѣренъ, — уже не отпуститъ Васъ въ Ростовъ...

Для меня стало почти все ясно. И когда мы остановились и я шелъ по темнымъ путямъ, чувство ужаса и отчаянія смѣнило прежнее ликованіе. Я едва взобрался въ свою кабинку.

— Владимиръ Николаевичъ, это правда? — спросилъ я капитана З. Капитанъ сидѣлъ съ утомленнымъ видомъ и пилъ чай.

— Да, если къ четыремъ часамъ ночи положеніе не возстановится, Ростовъ приказано оставить.

Совсѣмъ разбитымъ, я сталъ снимать винтовку и патронташъ. Оставалась одна только надежда на чудо. Но еще Тургеневъ сказалъ, что всѣ молитвы о чудѣ сводятся къ одной: «Господи, сдѣлай такъ, чтобы дважды два не было четыре».

Что отдалъ я бы за чудо? Я видѣлъ передъ собою Ростовъ, эти восторженныя лица, эти тысячи глазъ, которые смотрѣли на меня съ надеждой и радостью. Мы обманули ихъ. Завтра проснутся они — и увидятъ, какъ мы бросаемъ ихъ на произволъ красныхъ палачей. И если бы въ ту минуту сказали мнѣ, что цѣной невѣроятныхъ пытокъ можно было бы спасти Ростовъ, я отдалъ бы себя на мученія и были бы они для меня высшей радостью.

Я сталъ раздѣваться. А кругомъ говорили, какъ дѣлить захваченную добычу. Какъ такой-то казакъ уже «загналъ» товару на пятьдесятъ восемь тысячъ. Какія цѣны стоятъ на сахаръ и кожи.

Тяжелымъ дурманомъ свалился на меня сонъ. И только свѣтлой полоской блестѣла въ душѣ слабая искорка надежды — надежды на великое чудо.

Настало утро — и стало ясно, что Ростовъ сдаютъ. Въ первый разъ за все время моей военной службы на меня напало какое-то отчаяніе. — «Почему не убило меня тогда, седьмого февраля, — думалось мнѣ, — я умеръ бы съ сознаніемъ, что мы одерживаемъ побѣду».

— Какой Вы сегодня мрачный—сказалъ Петя—Васъ, должно быть, загонялъ поручикъ П.

У поручика П. — начальника орудія нашей смѣны — дѣйствительно тяжелый характеръ. Онъ контуженъ въ нѣмецкую войну, нервненъ и раздражителенъ до крайности. Съ большинствомъ изъ моихъ коллегъ у него выходили недоразумѣнія. Но я подхожу теперь къ людямъ съ особымъ масштабомъ «Tout comprendre, c'est tout pardonner» Мнѣ хочется теперь именно остаться у него, чтобы доказать, — главнымъ образомъ себѣ, — что человѣческая душа прекрасна, и, если отбросить мелочи, то можно найти ключъ къ любой душѣ. Я увѣренъ, что сумѣю работать съ нимъ.

Милый Петя! Тебѣ тоже тяжело оставлять Ростовъ. Но ты такъ молодъ, такъ непосредсвенно любишь жизнь — что ударъ этотъ не раскалываетъ болью твоей души...

— Какъ мнѣ тяжело въ службѣ связи... Какъ я хочу на орудіе... — говоритъ Петя, сидя у телефона, и шепчетъ на ухо: «Дайте мнѣ кусокъ хлѣба, я ничего не ѣлъ».

Я отрѣзаю хлѣба и, чтобы не смущать его, потихонько передаю ему. И также осторожно наливаю ему чаю...

Какое ужасное время, когда почти дѣти должны воевать!

Ночь. Я выхожу на площадку. Теперь тамъ, на той сторонѣ Дона, уже большевики. Ростовъ и Нахичевань въ полной тьмѣ. Только надъ Ростовомъ стоитъ зловѣщее красное зарево пожара.

14-го февраля. 2 ч. ночи. Кущевка. Въ пути.

Пока мы воевали, наша база уѣхала двумя станціями дальше — въ Шкуринскую. Это можетъ при современныхъ условіяхъ передвиженія стоить двухъ дней пути.

Я уже сбился со счету, сколько сутокъ мы путешествуемъ. Такъ хочется поскорѣе въ базу, вымыться, переодѣться и немного отдохнуть. Въ кабинкѣ всѣ спятъ; одному не хватаетъ мѣста. Цѣлую ночь придется мнѣ провести безъ сна. Дрова всѣ вышли; и несмотря на то, что стала теплая погода, холодная сырость пронизываетъ меня всего.

Поручикъ П. проснулся отъ холода и говоритъ сквозь сонъ: «Ради Бога, накройте меня шинелью, я такъ зябну». Я набрасываю на него шинель и закрываю его. Съ каждымъ днемъ отношенія наши дѣлаются лучше. «Я виноватъ передъ вами, — сказалъ онъ мнѣ вчера, — до Ростовскаго боя я былъ о васъ совсѣмъ другого мнѣнія. Я думалъ, что вы — буржуй и поступили сюда, какъ многіе, которымъ некуда дѣваться. Теперь я вижу, что это не такъ».

Я считаю это признаніе большой побѣдой. Для большинства я долженъ казаться или такимъ драпающимъ буржуемъ, или Донъ-Кихотомъ. Чѣмъ больше людей поймутъ мою психологію, тѣмъ больше я буду правъ, ломая свою жизнь, ради идеи активной борьбы за попираемое право.

Я ѣду въ Москву. Какъ усложнилось это путешествіе. Прежде билетъ въ sleeping-car свѣжая простыня въ уютномъ купэ, нѣсколько часовъ ѣзды, и освѣщенный электрическимъ свѣтомъ перронъ Московскаго вокзала.

Теперь нѣсколько мѣсяцевъ стоянокъ, путешествіе по нуднымъ Кубанскимъ станицамъ взадъ и впередъ, артиллерійскій бой, дни безъ пищи и ночи безъ сна.

И все это входитъ въ то-же самое путешествіе въ Москву.

И если придется ѣхать куда нибудь на Маль-

ту — для меня это будетъ часть путешествія все въ ту-же златоглавую столицу.

Придется ли доѣхать до цѣли? Не разорвутся ли рельсы моего тернистаго пути? Не свалится ли мой поѣздъ съ высокой насыпи, которую я соорудилъ для него изъ моей любви и моихъ страданій? Не встрѣтитъ ли меня смерть на какомъ нибудь полустанкѣ, чтобы сказать оскаливая зубы:

— «Выходите... пересадка...»

Въ твоихъ рукахъ, Господи, моя судьба. Но я двигаю мой сумасшедшій экспрессъ по одному орьентиру.

На скрещеніи нитей моей панорамы виднѣются златоглавые куполы Московскаго Кремля...

ГЛАВА II.

ЛИТУРГІЯ ВѢРНЫХЪ.

23 февраля. Екатеринодаръ.

Совершается великое таинство жизни и смерти. Почти для всѣхъ, кого я встрѣчаю, наступаютъ дни ужаса и отчаянія. Кажется, что рушатся прежніе устои. Кажется, что Антихристъ, возсѣдающій въ Кремлѣ, торжествуетъ побѣду надъ поруганнымъ Христомъ. И готовы люди проклясть самое служеніе Христу — ибо печать Антихриста видятъ во всемъ сущемъ на землѣ.

Для меня же совершается великое таинство. Чей то голосъ, подобный раскату грома, произнесъ роковыя слова:

Елицы оглашенніи — изыдите...

И кончается литургія оглашенныхъ. Начинается литургія вѣрныхъ.

Ровно двѣ недѣли тому назадъ я былъ въ Ростовѣ. Ходилъ по Ростовскимъ улицамъ, видѣлъ восторгъ освобожденнаго города и вѣрилъ въ нашу побѣду. Мы погнали большевиковъ, которые бѣжали въ паникѣ, оставляя намъ свои орудія, бронепоѣзда, свое имущество и свои запасы. И теперь мы шли бы впередъ, въ Донецкій бассейнъ.

Но Кубанцы дрогнули, обнажили фронтъ, частью разошлись по станицамъ, частью предались врагу. Пришлось оставить Ростовъ. Пришлось сдать Батайскъ, который, какъ бѣлый Верденъ, почти два мѣсяца отражалъ удары большевиковъ.

А затѣмъ покатилась красная волна по Кубани. Едва успѣваютъ наши поѣзда отходить отъ наступающихъ враговъ. Наша армія загоняется къ Черному морю.

Всѣ наши четыре орудія, вслѣдъ за моимъ, вышли изъ строя. Осталось одно пятое орудіе Виккерса, отнятое у большевиковъ съ бронепоѣзда «Товарищъ Ленинъ». Намъ нужно чиниться — и мы летимъ стрѣлою въ Новороссійскъ. Но нѣтъ увѣренности въ томъ, что мы дѣйствительно будемъ чиниться и недѣли черезъ три пойдемъ назадъ, въ бой. Почти всѣ говорятъ, что въ Новороссійскѣ мы бросимъ базу, испортимъ окончательно орудія, — а можетъ быть вмѣстѣ съ ними — будемъ посажены на пароходъ и транспортированы въ Крымъ. Тамъ составимъ мы ядро вѣрныхъ нашей идеи и, чѣмъ больше оглашенныхъ отойдутъ отъ нашей литургіи, тѣмъ чище и полнѣе будетъ наше послѣднее служеніе.

24 февраля. Екатеринодаръ.

Нѣсколько дней тому назадъ командиръ заявилъ всѣмъ казакамъ, что держать онъ ихъ не будетъ насильно и желающіе могутъ быть съ поѣзда откомандированы. Почти всѣ казаки заявили объ уходѣ.

— Какъ ужасно, что бѣгутъ они, какъ крысы съ тонущаго корабля, — сказалъ капитанъ Д.

Но мнѣ, наоборотъ, стало радостно; такъ, какъ бываетъ во время опасности, когда что то торжественное спускается съ горныхъ вершинъ. Мы остаемся одни, — человѣкъ шестьдесятъ, вмѣстѣ съ офицерами. Не будетъ этого подраздѣленія на «мы» и «они». И я сказалъ капитану Д. о начавшейся литургіи вѣрныхъ.

На слѣдующій день казаки одумались — ушло

только нѣсколько человѣкъ. Мы будемъ и впредь имѣть половину команды, которая сомнѣвается, куда ей идти. Что толку въ этихъ сомнѣвающихся? Не пора ли поставить вопросъ о чистомъ добровольчествѣ, объ орденѣ духовныхъ рыцарей, куда принимаются только послѣ искуса.

Н. совсѣмъ палъ духомъ. Желчно и зло доказываетъ, что дѣло наше безнадежно погибло. Смѣется надъ моей вѣрой со злорадствомъ, какимъ то исключительнымъ.

Онъ проклинаетъ тотъ день, когда вступилъ добровольцемъ. И добровольцы и большевики въ его глазахъ одинаковые грабители. У большевиковъ даже есть то, чего нѣтъ у насъ — организованность. Порядочному человѣку нѣтъ мѣста среди Добровольческой Арміи — и онъ мечтаетъ пойти на комиссію, получить отставку, отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ. «Поступая сюда, я думалъ, что совершаю великое дѣло; а теперь — не будетъ ли это позоромъ», — сказалъ онъ. «Вмѣсто идеи Великой Россіи, приходится защищать дѣло авантюристовъ».

И онъ съ радостью очутился-бы теперь въ Москвѣ, гдѣ онъ могъ-бы заниматься наукой и въ кругу своихъ единомышленниковъ отводить душу.

Между мною и имъ легла непроходимая пропасть. Меня возмущаетъ эта интеллигентская расхлябанность; а его — мое упорство которое въ его глазахъ граничитъ съ глупостью. Черезъ каждыя два слова онъ подчеркиваетъ, что «разсуждая логично», онъ приходитъ къ этимъ выводамъ. Я думаю, что человѣческая логика не всегда проникаетъ въ бездны Божьихъ путей.

Въ Кущевкѣ одинъ интендантскій чиновникъ (между прочимъ офицеръ) сказалъ, что на англійскомъ обмундированіи онъ перемѣнитъ фор-

менныя пуговицы на штатскія: не умѣстно русскому офицеру носить гербъ съ собаками.

А по моему особенно умѣстно. Тамъ есть два девиза: Honny soit qui mal y pense, Dieu est mon droit

Въ Екатеринодарѣ посѣтилъ профессора К. Обрадовались, расцѣловались. Онъ такъ же интересенъ, сдержанъ, элегантенъ и свѣжъ. Только много бѣлыхъ волосъ засеребрилось на его вискахъ.

Въ маленькой комнаткѣ, куда пришло много бѣженцевъ-профессоровъ, я читалъ по ихъ просьбѣ свои записки. Оказалось, что присутствовавшій Богданъ Кистяковскій возился съ Кубанской Радой, кого-то инструктировалъ и чуть-ли не составлялъ какіе-то законопроекты. То, какъ я поносилъ кубанцевъ и ихъ Раду, пріобрѣло особую пикантность.

Странная судьба Кистяковскихъ: Игорь устраивалъ самостійную Украину; Богданъ устраиваетъ самостійную Кубань.

Около К. всѣ въ паникѣ. То-ли бѣжать, то-ли нѣтъ. И больше склоняются, чтобы остаться: героизма бѣгства надолго не хватаетъ. Да и вѣрно:

Бѣжать. Но куда-же.
На время не стоитъ труда.
А вѣчно бѣжать невозможно...

И сейчасъ-же начинаютъ звучать знакомыя нотки. Дѣло добровольцевъ проиграно. Вчера разстрѣляно одиннадцать офицеровъ за грабежъ: а сколько не разстрѣляно? Явился какой-то докторъ перебѣжчикъ отъ большевиковъ. Онъ ужаснулся безобразію нашей санитарной части (есть отъ чего ужаснуться: больные и раненые просто бросаются). Но оказывается, что дѣло эвакуаціи поставлено у большевиковъ идеально: они забо-

тятся прежде всего о своихъ раненыхъ. Наконецъ, большевики измѣнили прежній режимъ, а терроръ сталъ значительно мягче.

Прокладывается пока-что мостикъ къ Совѣтской Россіи. Кто-то запасается удостовѣреніемъ о принадлежности къ профессіональному союзу.

Что-же? Все это трезво и... логично.

Я пріобрѣлъ недавно Кольтъ — и полюбилъ его, какъ самую дорогую вещь.

Ціанистый калій переходитъ въ углекислый калій и можетъ измѣнить. Кольтъ не измѣнитъ.

Вчера ночью я шелъ на Черноморскій вокзалъ по темному пустырю. Кольтъ въ моемъ карманѣ придаетъ большую увѣренность. Теперь онъ особенно нуженъ, такъ какъ ожидается выступленіе мѣстныхъ большевиковъ.

Пришелъ вечеромъ нашъ фельдфебель Хацковскій въ нѣкоторомъ подпитіи.

Люблю людей, которые умѣютъ весело пить, о которыхъ сказалъ Беранже:

...не то чтобъ очень пьянъ,
Но веселъ безконечно.

Я наблюдаю давно за Хацковскимъ и все больше къ нему привязываюсь: онъ не измѣнитъ. Онъ даже въ шутку не позволитъ себѣ сказать что-либо ироническое по адресу Добрарміи (что нѣкоторые себѣ позволяютъ). Къ нашему дѣлу относится онъ серьезно и видно, что три Георгіевскихъ креста обязываютъ его быть вѣрнымъ до конца.

Сегодня, возвращаясь изъ города поздно вечеромъ, на темномъ пустырѣ между городомъ и вокзаломъ меня окликнулъ чей-то незнакомый голосъ:

— Профессоръ Д?

— Да. Но кто вы, не узнаю.

— Поручикъ К.

Съ нимъ я встрѣчался три раза. Первый разъ это было въ Старобѣльскѣ.

Въ 1917 году, передъ выборами въ Учредительное Собраніе, я поѣхалъ туда сражаться за партію народныхъ соціалистовъ. Онъ выступалъ оппонентомъ отъ партіи народной свободы, — остроумно, красиво, даже ярко: онъ былъ опасный оппонентъ.

Потомъ мы очутились съ нимъ въ одной партіи; но вновь пришлось сразиться въ Харьковѣ, незадолго до прихода большевиковъ, на партійной кадетской конференціи. Онъ былъ на крайне правомъ лагерѣ и говорилъ такія вещи, которыя непріемлемы даже для октябриста.

Теперь мы встрѣтились — оба фронтовики — и первый разъ заговорили не какъ противники. Правда, онъ считаетъ, что все погибло. Но онъ не бѣжитъ, онъ готовится только самъ погибать.

Это способно меня объединить съ людьми любыхъ направленій и любыхъ партій: всѣ эти люди будутъ участниками литургіи вѣрныхъ.

26 февраля. Екатеринодаръ.

Вчера я позволилъ себѣ буржуазную роскошь. Въ компаніи съ капитаномъ Д.-К. и его женой мы отправились въ ресторанъ «Привалъ» пообѣдать. Супруга Гоги — молодая, очень эффектная дама, одѣтая съ большимъ вкусомъ. Это молодая пара — самъ Гога и она подходятъ другъ къ другу. Такова и должна быть молодость.

Пообѣдали, не стѣсняясь въ деньгахъ. Кончили шампанскимъ — и въ первый разъ въ жизни я заплатилъ за обѣдъ около пяти тысячъ рублей. Заплатилъ и не было жалко.

Я люблю легкое опьяненіе, особенно послѣ шампанскаго. Нити дружбы становятся какъ-то

крѣпче. Жизнь кажется красивѣе. Люди—лучше. Надежды сильнѣе.

А потомъ пошли въ симфоническій концертъ. Слушали Листа и Вагнера. Но должно быть я уже отвыкъ отъ музыки. Остается одно непосредственное удовольствіе и пропадаетъ вся прелесть сложнаго контрапункта, за которымъ уже не способенъ услѣдить.

Кажется, наконецъ, мы уѣзжаемъ изъ столицы Кубани. Надоѣлъ мнѣ Екатеринодаръ до тошноты. Съ внѣшности — это деревня, по существу — это притокъ людей, мятущихся въ страхѣ и потерявшихъ послѣдніе проблески гражданственности.

Всѣ эти разговоры нервируютъ и разлагаютъ нашъ духъ. Помню, какими стойкими мы стояли въ Батайскѣ. Какими желѣзными были наши сердца. А въ это время база въ Кущевкѣ уже нервничала и боролась съ паникой. Но все это ничто по сравненію съ Екатеринодаромъ; здѣсь съ паникой никто и не борется, а наоборотъ — ее культивируютъ. Воображаю, что дѣлается въ нашемъ Центрострахѣ — Новороссійскѣ.

Я мечтаю о томъ, какъ поставятъ намъ въ Новороссійскѣ новыя пушки — и пошлютъ снова куда нибудь сражаться. Безъ этого мы всѣ обратимся въ компанію неврастениковъ и спекулянтовъ.

Отъ профессора А. В. М. получилъ неожиданно письмо изъ Новороссійска отъ 11 февраля. Онъ пишетъ между прочимъ: «Теперь, послѣ взятія добровольцами Ростова, настроеніе здѣсь поднялось. Неизвѣстно долго ли мы пробудемъ въ Новороссійскѣ, быть можетъ придется переѣхать въ Екатеринодаръ или Ростовъ».

Какъ тяжело читать это...

Мнѣ хочется въ Новороссійскъ. Можетъ быть передъ смертью увидѣть вновь наши «общественные круги», моихъ друзей и моихъ враговъ. Отъ нихъ я не жду прилива бодрости. Но сама ихъ слабость можетъ претвориться во мнѣ въ новую силу.

Сегодня поручикъ Р. сказалъ:

— Въ то время, когда уже прекращались гоненія на христіанъ многіе пошли на уступки и внѣшне отреклись отъ христіанства. Когда торжество церкви было обезпечено, они покаялись и просили принять ихъ вновь. Но сильные духомъ и перенесшіе всѣ испытанія горделиво отвергли ихъ мольбу. Споръ былъ перенесенъ на соборъ, который сталъ на сторону раскаявшихся, послѣ чего гордецы образовали свою общину и положили начало ереси Донатствующихъ. Опасно, какъ-бы это не произошло съ вами: надо смирить свою гордость.

Буду всегда вспоминать его слова, если гордыня моя помутитъ мою совѣсть.

Когда сегодня я бесѣдовалъ съ поручикомъ Р., онъ поднялъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, который мучительно переживался мною лѣтъ двадцать тому назадъ. «Вы не протестантъ» — сказалъ онъ. «Вамъ нужно перейти — и не въ православіе, но въ католичество. Вы католикъ по духу; у васъ въ прошломъ есть корни въ католичествѣ. Въ средѣ образованнѣйшихъ патеровъ, дисциплинировавшихъ свой умъ и свою волю, было бы вамъ надлежащее мѣсто».

Возможно, что онъ правъ.

Сегодня-же встрѣтился я одновременно съ поручикомъ Р. и Н. Н. по прежнему хулитъ все, что соприкасается съ Добрарміей — этой «шайкой

грабителей». Тѣ одинокіе, которые остаются въ этой шайкѣ чистыми — это юродивые.

Поручикъ Р. весь загорѣлся. Въ эту минуту что-то отъ протопопа Аввакума, отъ всѣхъ тѣхъ, которые сжигали себя въ срубахъ, блеснуло въ его глазахъ.

— Вы напрасно такъ говорите о юродивыхъ. Церковь ихъ благословляетъ. Это вѣрно. Юродство — иногда является отдушниками, безъ которыхъ человѣчество задохнулось-бы.

Послѣдніе дни у насъ въ теплушкѣ — пьянство до потери человѣческаго облика. Когда нибудь ликъ звѣриный будетъ побѣжденъ сіяніемъ духа.

27 февраля. Екатеринодаръ.

Наша трагедія развивается неуклонно — послѣдовательно.

Сегодня было весь день нервное настроеніе. Все думали, какъ уѣхать — а сами продолжали стоять на пятнадцатомъ пути, въ безнадежномъ тупикѣ. А когда стало заходить солнце, то обнаружились и первые признаки нашего конца. Было приказано сократить нашъ составъ. Стали выбрасывать вагоны. Пока выбрасывались обыкновенные красные вагоны, казалось это почти обычнымъ; но когда выбросили два нашихъ вагона, выкрашенныхъ въ фіолетово-сѣрый цвѣтъ, съ трехцвѣтнымъ угольникомъ и надписью: «На Москву», отозвалось это гдѣ-то глубоко въ душѣ, какъ начало конца...

Goetterdaemmerung.

Часовъ въ одиннадцать ночи пришло второе распоряженіе: мы бросаемъ въ Екатеринодарѣ цѣлый рядъ теплушекъ, уплотняясь частью по другимъ теплушкамъ, частью по боевымъ площадкамъ. Возможно, что скоро мы будемъ принуждены бросить всю базу, всѣ свои вещи — и

на боевыхъ площадкахъ отправиться въ Новороссійскъ. На станціи Крымской становится боевой нарядъ въ тридцать шесть человѣкъ: намъ надо прорваться сквозь царство зеленыхъ.

Видно, какъ разрушается нашъ поѣздъ. Когда-то чистая наша теплушка, гдѣ ярко горѣлъ электрическій свѣтъ, превратилась въ грязный вагонъ; а теперь — мы можемъ лишиться и этого послѣдняго пристанища.

Казаки уходятъ отъ насъ. Приближается часъ, когда останутся одни обреченные.

28 Февраля. Екатеринодаръ.

Сегодня утромъ меня разбудилъ знакомый голосъ. Это былъ солдатъ съ бронепоѣзда «Орелъ», — паровозъ котораго тащитъ теперь насъ дальше, — студентъ К. Онъ очень дѣльный молодой человѣкъ; много работалъ въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности. Я съ нимъ встрѣчался по партійной работѣ, когда былъ еще народнымъ соціалистомъ, а потомъ въ редакціи «Новой Россіи».

Онъ передалъ мнѣ номеръ «Свободной Рѣчи», который А. В. Маклецовъ просилъ отдать мнѣ при свиданіи. Тамъ написана его статья подъ заглавіемъ «Рыцари духа», въ которой говорится о тѣхъ праведникахъ, которые въ моментъ, когда по общему признанію армія погибаетъ, пошли на ея защиту съ оружіемъ въ рукахъ. И разсказываетъ дальше, какъ одинъ профессоръ-математикъ, кабинетный ученый, который часы своего досуга удѣлялъ журналистикѣ и общественности, заявилъ однажды своимъ друзьямъ, что поступаетъ на бронепоѣздъ. А теперь двѣнадцать сутокъ находится онъ подъ Ростовомъ — и пишетъ, что ни минуты не раскаивается въ томъ, что поступилъ въ армію. «Можетъ быть только кровь этихъ пра-

ведниковъ доведетъ Россію до національнаго возрожденія» — говорится въ статьѣ.

Мнѣ было радостно прочесть ее. И сейчасъ же я подумалъ, что это — гордыня и пошелъ исповѣдываться къ Поручику Р.

Онъ не осудилъ меня.

Мнѣ безумно хочется въ Новороссійскъ, хотя бы на одинъ день, чтобы видѣть всѣхъ тѣхъ, съ которыми у меня такъ много общаго въ прошломъ. Но я попадаю въ боевой нарядъ тридцати шести, который остается въ Крымской, кажется, для борьбы съ зелеными. База уѣдетъ въ Новороссійскъ безъ меня. Я попросилъ поручика Р. посѣтить проф. А. В. Маклецова и поговорить съ нимъ о всемъ, что такъ близко мнѣ. Должно быть — не суждено мнѣ повидаться съ моими друзьями.

Будущее темно и неясно. Мы разлагаемся съ каждой минутой. Ясно — поѣздъ, какъ таковой, погибаетъ.

Пусть же Господь сохранитъ духъ живъ, чтобы со страхомъ и трепетомъ, но безъ отчаянія и ужаса приступить къ началу новой литургіи.

29 Февраля. Линейная. Въ пути.

Черезъ часъ мнѣ идти на дневальство. На дворѣ темно, какъ въ могилѣ; воетъ вѣтеръ, пронизываетъ сырость.

Мы все никакъ не можемъ доѣхать до Новороссійска. Вчера была тревожная ночь. Приготовили пулеметы, зарядили винтовки. Кругомъ орудуютъ зеленые. А ночью вышла вода въ тендерѣ — и всю почти ночь наливали ведрами воду въ паровозъ.

Сейчасъ мы стоимъ безъ паровоза на станціи Линейная — и сколько будемъ стоять, одному Богу извѣстно.

Наша судьба такъ-же темна, какъ эта темная ночь. Доѣдемъ ли до Новороссійска? Не придется-ли на пути погибнуть отъ зеленыхъ? А если и проѣдемъ, что предстоитъ намъ дальше? Всего вѣроятнѣе, что бронепоѣзда будутъ вообще ликвидированы и изъ насъ образуютъ пѣхотныя части. Только-бы не распыляли насъ по разнымъ частямъ и не разлучали бы тѣхъ, кто такъ сроднился другъ съ другомъ въ дни защиты Батайска и взятія Ростова.

А пока стремлюсь въ Новороссійскъ. Скорѣе проѣхать-бы пока не эмигрировали мои друзья. Я, кажется, вычеркнутъ изъ списка остающихся въ Крымской, и на это у меня есть надежда. Опять увидѣть А. В. Маклецова, М. Ю. Берхина, можетъ быть Петра Рысса, — всѣхъ тѣхъ, кто собирался въ Харьковѣ въ «Бѣломъ Слонѣ".

2 Марта. Новороссійскъ, 12 ч. ночи.

Пріѣхали.

Въ Крымской оставили два орудія: «Товарища Ленина» и мою пятидюймовую, которую починили. Съ надлежащимъ количествомъ офицеровъ и команды эти орудія будутъ курсировать отъ Тонельной и далѣе, сколько будетъ возможно, въ направленіи Тимашевки.

По существу, нашъ тяжелый бронепоѣздъ превращается въ легкій и центръ тяжести съ орудій переходитъ на пулеметы, которые у насъ до сихъ поръ бездѣйствовали. Въ тылу придется бороться съ шайками зеленыхъ; на фронтѣ, который не представляетъ сплошной линіи — съ красными. Все это создаетъ большую опасность; такъ погибъ цѣлый рядъ нашихъ бронепоѣздовъ. И я — въ виду отправленія въ эту экспедицію нашей пушки — долженъ былъ-бы попасть въ первый нарядъ.

Но мнѣ безумно хочется увидѣть моихъ политическихъ друзей еще разъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ своей жизни. Когда, незадолго до прихода въ Крымскую, я былъ вызванъ поручикомъ П. на орудіе, гдѣ предстояло исправить борты, я не удержался, чтобы не предпринять шаги для нѣкоторой отсрочки.

Долженъ сознаться, что я испыталъ сложное чувство. Когда я пришелъ на пушку и убѣдился, что по прежнему легкимъ поворотомъ рукоятокъ тѣло орудія послушно поворачивается куда угодно, загорѣлась прежняя любовь къ моей англійской лэди. Здѣсь, на этой площадкѣ и въ этой кабинкѣ, все такъ мило и дорого, все полно воспоминаніями о славной защитѣ Батайска... Не хотѣлось разставаться съ этой пушкой, съ которой вмѣстѣ пережилъ столько дорогихъ дней. Испросить, чтобы мнѣ дали возможность уѣхать въ Новороссійскъ было очень трудно. Кромѣ того не хотѣлось, чтобы подумали, что въ эту тяжелую минуту я стремлюсь пробраться въ тылъ.

Но желаніе видѣть моихъ друзей, которые каждый день могутъ уѣхать заграницу, оказалось сильнѣе.

— Кто остается на орудіи, вы или поручикъ Л? — спросилъ я поручика П.

— Остается Юрій Осиповичъ, — отвѣтилъ онъ, — а я пріѣду дня черезъ два, ему на смѣну.

— Въ такомъ случаѣ у меня къ вамъ просьба. Вы знаете, какъ мнѣ необходимо повидаться съ моими друзьями, — сказалъ я ему. — Нельзя ли не включать меня въ смѣну и пріѣхать на позицію вмѣстѣ съ вами.

— Я ничего противъ этого не возражаю и доложу поручику Л., — отвѣчалъ онъ.

Такимъ образомъ, мнѣ дали возможность

пріѣхать въ Новороссійскъ. Завтра вѣроятно я увижусь съ ними. Если бы только они не успѣли уѣхать.

По дорогѣ на одной станціи за Крымской меня вызвали изъ теплушки. Я къ великой моей радости увидѣлъ нашего стипендіата, Бориса Степановича В., или какъ мы обычно звали его — Степаныча.

Степанычъ мой землякъ по Вольску, — исключительно даровитый человѣкъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ проявилъ особенную любовъ къ природѣ и ея изслѣдованію. Когда я держалъ экзаменъ на магистра и жилъ въ Харьковѣ въ бѣдной квартирѣ на Панасовкѣ, онъ снималъ у меня комнату, и она вся была полна разнаго звѣрья. Профессоръ Сушкинъ обратилъ на него вниманіе и оставилъ его при университетѣ. Молодой В. имѣетъ уже нѣсколько печатныхъ трудовъ по зоологіи и подаетъ блестящія надежды.

Въ послѣдній моментъ онъ вышелъ изъ Харькова въ компаніи нѣсколькихъ ассистентовъ и лаборантовъ. Теперь всѣ они солдаты и несутъ тяжелый полевой караулъ между Абинской и Тонельной по охранѣ отъ зеленыхъ. Отъ самаго Харькова тащились они пѣшкомъ, часто неся на себѣ орудія и до сихъ поръ имъ не дали казеннаго обмундированія. Они обносились до крайности, обтрепались и похожи не на солдатъ, а на какихъ то разбойниковъ на большихъ дорогахъ.

Когда нашъ поѣздъ тронулся, Н., который былъ при нашемъ свиданіи сказалъ:

— Какое это безобразіе... Конечно, Степанычъ жалѣетъ, что ушелъ изъ Харькова...

А потомъ прибавилъ:

— Лучше всего было-бы пробраться ему въ

Тифлисъ, гдѣ его ждетъ готовое прекрасное мѣсто....

Сегодня, наконецъ, сниму сапоги и раздѣнусь. Три ночи приказано было не раздѣваться въ ожиданіи налета зеленыхъ. Слава Богу, доѣхали мы безъ всякихъ непріятностей. Завтра увижу А. Б. Маклецова, князя П. Д. Долгорукова, остатки нашего центральнаго комитета, нѣкоторыхъ товарищей по редакціи и вѣроятно, — многихъ Харьковскихъ бѣженцевъ.

А дня черезъ два, простившись съ ними, отправляюсь туда, куда меня призываетъ мой долгъ.

3 Марта. Новороссійскъ.

Утромъ я направился въ городъ. Дорога шла по безконечнымъ желѣзнодорожнымъ путямъ, мимо цѣлаго ряда строеній, похожихъ то на грандіозные пакгаузы, то на элеваторы. Какой то живительный морской воздухъ давалъ исключительную бодрость: и я въ компаніи человѣкъ пяти моихъ товарищей по теплушкѣ, быстро бѣжалъ по направленію къ порту.

Я волновался. Вотъ, черезъ какой нибудь часъ, я увижу всѣхъ, къ кому я такъ стремился — и прежде всего проф. А. В. Маклецова. Харьковская партійная конференція создала трещину въ нашихъ отношеніяхъ; потомъ она чуть-чуть сгладилась. Теперь отъ этой трещины не оставалось и помину. Осталось только самое лучшее воспоминаніе о совмѣстной работѣ. И я летѣлъ впередъ, боясь пропустить каждую минуту.

Мы подошли къ молу, чтобы сѣсть въ моторную лодку, — и глазамъ открылся изумительный по красотѣ видъ. Съ одной стороны поднимались высокія суровыя горы, покрытыя наверху снѣгомъ. Внизу подъ этими горами раскинулся портъ и глубоко врѣзывалась бухта. Зеленоватыя волны моря

чуть - чуть колебались отъ легкаго свѣжаго вѣтерка. На рейдѣ стояли иностранныя суда и среди нихъ, въ какомъ то туманѣ, англійскій красавецъ - дредноутъ « Императоръ Индіи ».

Стало какъ то привольно отъ этого вида на далекое море. Послѣ необозримой равнины нудныхъ Кубанскихъ степей, послѣ грязи безнадежныхъ казацкихъ станицъ — видъ на эти горы, какъ бы остановившагося съ разбѣга Кавказскаго хребта, на эту даль привольнаго моря, на эти военныя суда, на кипучую жизнь порта — вливали какую то новую бодрость. Вдругъ вмѣсто русской безнадежности почудилась заграничная кипучая жизнь, полная движенія, новыхъ возможностей и новыхъ достиженій.

Быстро понеслась моторная лодка, и я сошелъ на берегъ. Два-три поворота — и я передъ домомъ, гдѣ живетъ профессоръ Маклецовъ. Вѣроятно, онъ не уѣхалъ: онъ писалъ мнѣ, что уѣдетъ въ послѣдній моментъ.

Я вошелъ во дворикъ и подошелъ къ небольшому крылечку. Внизъ спускается сѣдой, пожилой полковникъ.

— Здѣсь живетъ профессоръ Маклецовъ? — Полковникъ остановился.

— Профессоръ Маклецовъ уѣхалъ третьяго дня на пароходѣ « Святой Николай » въ Салоники...

Меня будто ударило обухомъ по головѣ.

— Я хорошо зналъ профессора Маклецова; онъ отвезъ письмо моей женѣ, — продолжалъ полковникъ.

Мы познакомились.

— А не знаете ли г. полковникъ, гдѣ найти мнѣ князя П. Д. Долгорукова?

— Нѣтъ не знаю. Вѣроятно узнаете въ англійской миссіи.

Мнѣ было очень досадно. Вѣдь я обладалъ единственнымъ адресомъ профессора Маклецова; черезъ него я могъ связаться со всѣми остальными.

Гдѣ теперь найду я ихъ всѣхъ?

Я пошелъ наугадъ на главную улицу Серебряковскую. Тротуаръ былъ полонъ народа, главнымъ образомъ, военные; моя рука устала козырять. Но въ этой густой толпѣ не было никого, кого я такъ жадно искалъ.

И вдругъ въ толпѣ я увидѣлъ одного изъ видныхъ сотрудниковъ «Новой Россіи» — М. Ю. Б.

Я окликнулъ его. Мы поцѣловались.

— Скажите, кто же въ Новороссійскѣ?

На лицѣ Михаила Юрьевича видно было замѣшательство.

— Почти всѣ уѣхали. Если бы вы пріѣхали недѣлей раньше. Теперь прямо не осталось никого...

Оказывается, дѣйствительно, почти всѣ уѣхали. Нѣтъ ни М., ни Ю., ни гр. П., ни А. — и изъ Центральнаго Комитета остался почти одинъ князь Д., старый князь дѣйствительно хочетъ уѣхать въ послѣдній моментъ.

— Послушайте, я и забылъ: вѣдь Н. С. К. занимаетъ теперь постъ генералъ-губернатора, главноначальствующаго Черноморской области...

Я полетѣлъ къ дому губернатора. Красивый дворецъ, немного въ стилѣ барокко выдѣлялся изъ сосѣднихъ домовъ. Я вошелъ на лѣстницу, ведущую въ стеклянныя двери. Какъ разъ въ это время отворилась дверь и Н. С. К. въ сопровожденіи адъютанта вышелъ, чтобы сѣсть въ стоящій внизу автомобиль.

Я едва узналъ Николая Сергѣевича, котораго привыкъ видѣть въ свободномъ пиджакѣ, часто — какъ онъ любилъ — въ бѣлыхъ спортивныхъ

брюкахъ. Теперь онъ величественно спускался по лѣстницѣ, одѣтый въ сѣрую шинель. На плечахъ блестѣли золотые погоны гражданскаго образца — по классу должности — Тайнаго Совѣтника. Во всей его фигурѣ видна генеральская солидность. Онъ остановился и подалъ мнѣ руку.

— Я хотѣлъ бы съ вами побесѣдовать, но вы вѣроятно страшно заняты: вы теперь въ такихъ высокихъ чинахъ....

— Чинъ это дѣло человѣческое, — сказалъ К. — Сегодня я дѣйствительно занятъ. Лучше всего приходите завтра сюда же, въ часъ дня...

Мы попрощались. Онъ сѣлъ въ автомобиль.

Послѣ обѣда въ столовой Союза (обѣдъ стоилъ всего 75 руб.), я зашелъ къ Б., и тутъ мы выяснили, что въ Новороссійскѣ проживаетъ членъ Харьковской Городской Управы, выдающійся общественный дѣятель, докторъ М. А. Ф. Это человѣкъ громадной энергіи, большого ума, солиднаго образованія, съ высоко развитымъ чувствомъ долга. Я всегда любилъ М. А. Ф., и, конечно, встрѣтиться теперь съ нимъ показалось мнѣ прямо счастьемъ. Я направился къ нему.

Докторъ Ф. встрѣтилъ меня со своей обычной улыбкой. Какъ будто только вчера видѣлись мы съ нимъ въ Городской Управѣ, гдѣ самоотверженно работая съ утра до вечера, забрасывая свои личныя дѣла, онъ старался спасти отъ краха городское хозяйство. Но теперь уже не было у него прежняго горѣнія и энтузіазма. Уже нотки утомленія и усталости звучали въ его словахъ.

— Наше дѣло безнадежно — сказалъ онъ, — но, конечно, раскаиваться намъ нечего. Мы дѣлали свое дѣло и кое что сдѣлали.

И разсказалъ онъ какъ видѣлся съ членомъ первой Думы, Аладьинымъ. « Вандея кончилась,

— сказалъ Аладьинъ. — Но она была нужна, какъ тормазъ революціи. Эмигрантскихъ войнъ у насъ быть не можетъ. Собственными внутренними силами мы дождемся черезъ годъ Россіи, а черезъ десять лѣтъ великой Россіи ». Видѣлся онъ съ Агѣевымъ, теперешнимъ министромъ. Агѣевъ ѣздилъ къ зеленымъ на предметъ соглашенія. Но зеленые настроены непримиримо противъ высшаго командnаго состава съ Деникинымъ во главѣ. А верховный Кругъ уже заключилъ по существу съ большевиками миръ. Англія думаетъ о томъ же и спитъ и видитъ, какъ поприличнѣе раздѣлаться съ Добрармiей. Все кругомъ безнадежно; какое то невѣроятное, циничное взяточничество, грабежъ. Нѣтъ никакой организаціи. А Деникинъ сказалъ недавно:

— Теперь я ближе къ Москвѣ, чѣмъ въ августѣ прошлаго года.

И странно: какъ будто объективно дѣйствительно все безнадежно. Но словамъ Деникина я больше вѣрю, чѣмъ фактамъ.

И простился я съ докторомъ Ф. съ новой надеждой.

7 Марта. Новороссійскъ. База.

Сегодня ровно мѣсяцъ со дня боя подъ Ростовомъ. Теперь несомнѣнно, что армія наша разбита, и здѣсь мы доживаемъ послѣдніе дни. Вотъ уже около пяти дней какъ Комбронъ освободилъ меня отъ всякихъ нарядовъ съ опредѣленнымъ заданіемъ — собирать послѣднія политическія новости. Я бѣгаю все по Новороссійску, посѣщаю кого можно, но увы — тѣхъ, которые меня интересуютъ, осталось мало....

Кажется, все обстоитъ безнадежно. Но вотъ генералъ Х., сухой и далеко не экспансивный англичанинъ, сказалъ:

— Когда нѣмцы обстрѣливали Парижъ, я говорилъ, что мы ближе къ побѣдѣ, чѣмъ когда либо прежде. То же повторяю я теперь.

Но событія развертываются для насъ чрезвычайно неблагопріятно. Четвертаго сданъ Екатеринодаръ и — какъ говорятъ — просто пропитъ. Гарнизонъ будто былъ вдребезги пьянъ и оставилъ городъ безъ выстрѣла.

Кругомъ стоитъ стонъ отъ разговоровъ; и всѣ разговоры сводятся къ одному: какъ попасть на пароходъ. Люди мечутся, какъ стадо. Полковники, оберъ-офицеры прячутся въ трюмы, откуда « защитниковъ » отечества выволакиваютъ насильно. Въ Деникина никто не вѣритъ, и недавній кумиръ толпы сталъ просто « Антонъ Ивановичъ », надъ которымъ можно только подсмѣиваться. Гнуснѣе русской толпы нельзя ничего представить.

Мнѣ было сказано въ одномъ мѣстѣ, что я могу хоть завтра быть эвакуированъ. Конечно, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Я связанъ съ поѣздомъ, связанъ съ офицерами и связанъ съ Деникинымъ. Пока онъ не освободитъ меня отъ моихъ обязательствъ, я не могу принимать сепаратныхъ шаговъ, для своего спасенія. Впрочемъ, на худой конецъ у меня имѣется Кольтъ.

Докторъ Ф. замѣтилъ мое настроеніе. И мягко и деликатно коснулся вопроса въ томъ смыслѣ, что ради пользы дѣла жизнь моя очень нужна, и нужно бороться съ такими настроеніями. Но вѣдь во имя этой « пользы дѣла » и сохраненія жизни дѣлаются у насъ почти всѣ темныя дѣла...

Распадъ нашего поѣзда продолжается дальше. Дисциплина упала. Въ нашей теплушкѣ ведутся эвакуаціонные разговоры. На дняхъ эвакуируется кадетъ Сережа С., но онъ имѣетъ на это право: у

него нѣтъ ноги, и онъ кое-какъ ходитъ, пользуясь протезомъ. Покидаетъ насъ, кажется, Гога К. Онъ дѣлаетъ какой-то трюкъ и ѣдетъ не то въ Сербію, не то въ Крымъ, приписываясь къ какому то автоброневому дивизіону, который завтра или послѣ завтра отправляется. А кругомъ карты, пьянство, спекуляція — и ни малѣйшаго чувства отвѣтственности и воинской чести. Кажется все потеряно, не исключая чести.

Между мною и почти всѣми товарищами по теплушкѣ выростаетъ стѣна, болѣе прочная, чѣмъ основанная на разницѣ лѣтъ и разницѣ воспитанія и образованія.

Мы идемъ разными путями. Мое сердце сжалось въ комокъ и закрылось отъ нихъ. Я одинокъ, какъ никогда.

Раскаиваюсь ли я, что пошелъ сюда? Раскаиваюсь ли я въ томъ, что мое « юродство » довело меня на край гибели? Я думаю, что нѣтъ. Исторія меня оправдаетъ. И не важно, что она не сохранитъ моего имени. Подобно Платону, я вѣрю въ вѣчность идей; я вѣрю въ правоту нашего дѣла — а, слѣдовательно въ его торжество.

Вчера на Серебряковской встрѣтилъ моего пріятеля, присяжнаго повѣреннаго Д. Онъ очень интересный человѣкъ, крупный дѣятель Харьковскаго Общества Грамотности, большой любитель книги и знатокъ библіотечнаго дѣла. Онъ прекрасно владѣетъ иностранными языками и нѣмецъ до мозга костей. Злые люди распространяютъ про него Богъ знаетъ какія вещи; но я всегда цѣнилъ его за умъ, который давалъ ему право на нѣсколько презрительное отношеніе къ людямъ; можетъ быть за это его и не любили.

Когда нѣмцы уходили съ Украйны, онъ уѣхалъ

заграницу, попалъ въ Берлинъ, скрылся съ нашего горизонта; онъ говорилъ даже, что навсегда. И я съ нѣкоторымъ изумленіемъ увидѣлъ его въ Новороссійскѣ.

— Я пріѣхалъ сюда со спеціальной цѣлью, — сказалъ онъ мнѣ по-французски. И, взявъ меня подъ руку, сталъ мнѣ разсказывать.

Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ въ то время, когда нѣмцы сжали зубы отъ боли и думали только объ одномъ — о спасеніи страны. Былъ введенъ налогъ на капиталъ съ прогрессивными ставками; на капиталъ въ три милліона марокъ размѣръ налога опредѣлялся въ 75%. И никто не протестовалъ. Всѣ знали, что это такъ и нужно.

Оффиціально нѣмецкая армія не велика; но весь народъ вооруженъ и въ любой моментъ готовъ къ выступленію. Страна возрождается; промышленность крѣпнетъ. Берлинъ пріобрѣлъ приблизительно тотъ же видъ, что и до войны. Нѣмецкій голосъ скоро раздастся въ Европѣ.

Англія начинаетъ понимать, что безъ Германіи торговля ея тормозится: она начинаетъ отходить отъ Франціи и союзниковъ. Франція на ножахъ съ Италіей. А въ это время Германія заключаетъ союзъ съ Японіей. Міровая конъюктура мѣняется — и намъ надо использовать положеніе.

— А какой же цѣной?

— Послѣдній раздѣлъ Польши. Сегодня я имѣю разговоръ съ однимъ генераломъ. Я на это уполномоченъ.

Мы простились.

Въ тотъ же день я былъ приглашенъ на засѣданіе «общества взаимопощи офицеровъ». Какой то генералъ дѣлалъ докладъ объ эвакуаціи. Картина получилась отчаянная. Но генералу Дени-

кину удалось побѣдить упорство англичанъ (безъ ихъ согласія мы не можемъ воспользоваться ни однимъ изъ нашихъ собственныхъ судовъ). Сорокъ нашихъ судовъ будутъ снабжены углемъ и выйдутъ изъ Константинополя. Если Новороссійскъ продержится недѣли двѣ, то всѣ мы сможемъ быть эвакуированы.

А потомъ пошли непонятные для меня дебаты. Толковали о какомъ то кружкѣ полковника Арендта, что то дѣлили, съ кѣмъ то спорили, кому то не довѣряли, — и началась опять интеллигентская пря, отъ которой я такъ усталъ.

Захотѣлось на фронтъ.

Сегодня утромъ мнѣ удалось быть у князя Павла Дмитріевича Д. Князь имѣлъ совершенно бѣженскій видъ, особенно въ грязной нетопленной и очень сырой комнатѣ, гдѣ онъ живетъ. Онъ сидѣлъ на порваномъ диванѣ, съ ручками изъ краснаго дерева. Въ углу стоялъ облѣзлый жестяной умывальникъ. На ногахъ князя были надѣты какія то калоши, а на головѣ шелковый черный колпачекъ. Но лицо его попрежнему дышало породистостью знатнаго барина.

— Я не надолго задержу васъ, князь, — сказалъ я. — Я смотрю трезво на вещи; и, кажется, что мнѣ уже не придется увидѣть моихъ политическихъ друзей. Я прошу васъ, князь, какъ возглавляющаго нашъ Центральный Комитетъ, передать мой привѣтъ моимъ товарищамъ...

— Конечно, — сказалъ князь, какъ обычно, слегка запинаясь и проглатывая слова. — Я долженъ въ свою очередь передать вамъ привѣтствіе отъ Центральнаго Комитета и засвидѣтельствовать глубокое уваженіе отъ лица всѣхъ насъ. Вы знаете, Маклецовъ написалъ о васъ статью...

— Потомъ, князь, вторая моя просьба. Я веду мемуары. Первую главу я закончилъ и просилъ доктора Ф. перепечатать на машинкѣ въ двухъ экземплярахъ. Если онъ успѣетъ это сдѣлать до нашего отъѣзда, захватите одинъ экземпляръ съ собой заграницу. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы записки погибли вмѣстѣ со мною...

Князь обѣщалъ. Онъ уѣдетъ въ послѣдній моментъ въ Сербію, гдѣ организуетъ «Юго-Славянскій Банкъ». На средства этого банка будутъ устроены книгоиздательство, (главнымъ образомъ, русскихъ учебниковъ), газета, учебныя заведенія. Въ случаѣ чего, я могу разыскать слѣды моихъ друзей въ Бѣлградѣ.

Теперь я могъ задать послѣдній вопросъ: каковы же наши перспективы?

Князь ничего не могъ отвѣтить. Одно онъ сказалъ:

— Почти несомнѣнно, что войска будутъ эвакуированы въ Крымъ....

Сегодня вечеромъ я посѣтилъ, наконецъ, Н.С.К.

Въ компаніи двухъ своихъ сотрудниковъ, онъ пилъ чай. На столѣ лежала нарѣзанная колбаса, коробка консервовъ; стояла бутылка водки. Передо мной былъ уже не начальникъ губерніи въ генеральскихъ погонахъ, но просто Николай Сергѣевичъ, въ обычной своей потертой тужуркѣ.

Сѣли, выпили по рюмочкѣ. Стали закусывать.

— Распоряженія мѣняются у насъ каждые два часа, — сказалъ К. — Но кажется, можно твердо сказать, что армія транспортируется въ Крымъ.

— Деникинъ или настроенъ бодро, или хочетъ такимъ казаться, — продолжалъ онъ. — Я не раздѣляю этого оптимизма. Но нашъ долгъ — работать.

Стали говорить объ общемъ положеніи вещей.

— Николай Сергѣевичъ, вы не имѣете извѣстій отъ сына, который былъ адъютантомъ у адмирала Колчака?

Лицо К. измѣнилось. И какимъ то сдавленнымъ голосомъ онъ сказалъ:

— Я ничего не знаю о немъ и не люблю, когда меня объ этомъ спрашиваютъ.

— Простите меня, — сказалъ я, почувствовавъ всю безтактность моего вопроса. Но К. рѣзко всталъ и вышелъ въ другую комнату.

— Это всегда съ нимъ такъ, — сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ.—Какъ только вспомнитъ о Колчакѣ, разстраивается на цѣлый день.

Но неосторожное слово вернуть было нельзя. Мы продолжали разговоръ втроемъ. Молодой человѣкъ, должно быть чиновникъ особыхъ порученій, сидѣвшій противъ меня, налилъ мнѣ стаканъ чаю.

— Вы помните, — сказалъ онъ, — мы ѣхали вмѣстѣ изъ Харькова въ поѣздѣ-банѣ Земсоюза... Не думалъ я тогда, что везу васъ на крестный путь....

Я живо вспомнилъ это кошмарное путешествіе. Я попалъ на этотъ поѣздъ, благодаря управляющему дѣлами Земсоюза — С. Н. Кирѣевскому, — старинному другу моей невѣсты.

— Онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ въ страшныхъ мученіяхъ въ Екатеринодарѣ...

— А не знаете ли что нибудь о Замошниковѣ. Онъ, кажется, эвакуировался изъ Ростова съ Земсоюзомъ...

— Замошниковъ умеръ отъ сыпного тифа... Тяжело было слышать это печальное повѣствованіе. Замошниковъ — сотрудникъ « Новой Россіи », подписывавшій свои фельетоны фамиліей Смоля-

новъ, жилъ въ Ростовѣ въ одной комнатѣ съ Г. Онъ былъ семьянинъ до мозга костей. Онъ страдалъ до безумія по своей женѣ, по дѣтямъ, оставленнымъ въ Харьковѣ. Разъ я помню, какъ въ той маленькой ростовской комнаткѣ на Почтовой, онъ пилъ почти всю ночь коньякъ и водку, — и плакалъ пьяными слезами по домашнему уюту, по семьѣ, которую любилъ безконечно.

— Зачѣмъ я уѣхалъ, — стоналъ онъ сквозь рыданія. — Я не могу быть безъ нихъ, не могу...

Изъ сосѣдней комнаты послышались шаги: К. вошелъ снова.

— Когда образовалось правительство, я думалъ, что будемъ работать съ Деникинымъ, какъ одно цѣлое. Этого нѣтъ, — сказалъ онъ. — Онъ выслушиваетъ меня иногда по цѣлому часу. Но между нами грань. Цѣлый рядъ генераловъ, связанныхъ съ нимъ должно быть Быховскими воспоминаніями, окружаютъ его тѣснымъ кольцомъ.

Стало уже темно. Мнѣ надо было идти изъ города на Стандартъ по темнымъ путямъ, между цейхгаузовъ, складовъ и элеваторовъ. Я торопился и откланялся.

Я шелъ теперь по длинной набережной, почти въ совершенной тьмѣ; рядомъ со мной плескалось море. Яркіе огни судовъ отражались въ его зыби.

Снопъ фіолетово-бѣлыхъ лучей прожектора съ «Императора Индіи » выхватывалъ то одну, то другую часть темнаго пространства, вырывая изъ мрака высокія стропила элеваторовъ.

Вечеръ былъ теплый, но морской воздухъ ободрялъ и живилъ.

11 Марта. Новороссійскъ.

Бронепоѣздъ ликвидируется. Мы образуемъ роту, взрываемъ орудія и отправляемся въ Крымъ.

Вся команда дѣлится на нѣсколько частей. Од-

ни—съ нашимъ «барахломъ»—отправляются съ остатками нашей базы въ Крымъ. Съ нею вмѣстѣ, повидимому, отправляются и тѣ, которые въ дни эвакуаціи для погрузки образуютъ рабочую команду. Остальные выдѣляютъ часть, которая будетъ нести караульную службу и — наконецъ — тѣхъ, кто въ качествѣ боевого наряда будутъ защищаться до послѣдняго конца.

Я попалъ въ боевой нарядъ и завтра выѣзжаю въ Крымскую. Юрій Осиповичъ Л., начальникъ моего орудія, выѣзжаетъ со мной. У него изумительно прекрасные глаза, и весь онъ такой нѣжный и милый юноша.

— Едва ли наше путешествіе кончится благополучно, — сказалъ онъ.

— Намъ придется, вѣроятно, отступать уже пѣшкомъ. Уложите ваши вещи и поручите кому нибудь изъ остающихся, а сами захватите только смѣну бѣлья и самое необходимое въ походную сумку. Пожалуй, едва ли намъ придется сѣсть на пароходъ...

Я это чувствую. Мы приносимся, можетъ быть, въ жертву. Но я гордъ тѣмъ, что меня отнесли къ числу обреченныхъ и вѣрныхъ до конца.

У насъ въ теплушкѣ полный развалъ. Началось съ того, что кадеты — Петя С., Сережа А. и Коля М. перечислились въ автоброневой дивизіонъ и уже уѣхали въ Крымъ. Сережа С., какъ инвалидъ, транспортируется за границу. Гога К., совсѣмъ здоровый молодой человѣкъ, получилъ, благодаря связямъ свидѣтельство о болѣзни и ѣдетъ тоже заграницу, какъ больной. Это произвело на всѣхъ весьма тягостное впечатлѣніе. Гога, конечно, самъ чувствуетъ себя неловко; но онъ не принадлежитъ къ людямъ, для которыхъ принципъ долга важнѣе всего на свѣтѣ. Обладая громадными средствами,

гдѣ нибудь подъ голубымъ небомъ Италіи, онъ легко забудетъ тѣхъ, кто можетъ быть скоро погибнетъ въ далекомъ Новороссійскѣ...

14 Марта 1920 г. На борту «Waldeck-Rousseau»

Кажется сказкой, что я на французскомъ кораблѣ.

Мнѣ не спится. Проходящій французскій матросъ сказалъ, что сейчасъ два часа ночи. Мои часы остановились: вчера не было времени ихъ заводить. Ставлю часы и начинаю писать. Все, что произошло за эти дни такъ фантастично, что кажется страничкой романа изъ Жюль-Верна. Никогда еще смерть не витала такъ близко отъ меня, какъ вчера. Никогда еще судьба не посылала мнѣ большаго испытанія для моей воли. Никогда еще не испытывалъ я такой братской связи съ оставшимися вѣрными до конца. Бронепоѣздъ «На Москву» не существуетъ болѣе. Но послѣднія минуты его были достойны и красивы, и сама идея, воплощенная въ его названіи, продолжаетъ жить.

15 Марта. На борту «Лазарева».

Да, послѣднія минуты бронепоѣзда были достойны и красивы.

Двѣнадцатаго Марта уже обнаружилось, что дни наши сочтены. Раздавался спѣшно цейхгаузъ, и въ этой раздачѣ было видно, что поѣздъ бросается; я пошелъ утромъ въ Новороссійскъ проститься съ докторомъ Ф. и взять у него мои записки: я былъ назначенъ въ послѣднюю боевую смѣну на позицію. Я предполагалъ устроить ихъ къ Р. Я чувствовалъ, что, пріѣхавъ съ этой послѣдней экспедиціи я уже не застану своей базы на мѣстѣ. Оставить ихъ у Ф., значило бы оставить ихъ въ Совдепіи, такъ какъ стало ясно, что Новороссійскъ будетъ скоро взятъ.

Городъ былъ неузнаваемый. Всѣ магазины были закрыты. Даже уличныхъ продавцовъ, крикливыхъ мальчиковъ восточнаго типа, не было ни одного. Я нигдѣ не могъ купить ни папиросъ, ни портвейну, которымъ хотѣлъ наполнить мою походную флягу. Улицы были почти пусты, и только патрули ходили взадъ и впередъ, кого то задерживая, кого то не пропуская.

Городъ уже умеръ.

Я пришелъ въ поѣздъ въ полномъ сознаніи, что уже нашей послѣдней экспедиціи больше не будетъ.

Придя домой, я увидѣлъ полное безлюдіе: не было ни офицеровъ, ни солдатъ.

Я встрѣтилъ нашего фельдфебеля Хацковскаго

— Гдѣ же всѣ? Почему никого не видно?

— Пошли грузить пароходъ. Намъ даютъ право погрузиться, если наша команда погрузитъ чей то грузъ на три тысячи пудовъ.

—Значитъ мы бросаемъ базу?

— Да.

Неизбѣжное приближалось Я пробовалъ, выяснить, отмѣняется моя поѣздка на позицію, или нѣтъ. И всѣмъ, кого я встрѣчалъ, казалось, что ни о какой боевой смѣнѣ не можетъ быть и рѣчи.

Уже стало смеркаться, когда подъѣхалъ грузовикъ и намъ приказано было спѣшно грузить на него наше имущество. Выгрузили цейхгаузъ, всякое «барахло», муку. Потомъ приказано было быстро погрузить наши вещи.

Совсѣмъ стемнѣло. Я погрузилъ уже свое имущество и въ послѣдній разъ вошелъ въ теплушку, гдѣ было прожито столько незабываемыхъ минутъ. Горѣла на столѣ керосиновая лампа, освѣщая кругомъ полный безпорядокъ. Скоро придутъ сюда торжествующіе враги и расположатся на нашихъ

койкахъ. Будутъ злорадствовать надъ нами; будутъ поносить то, что намъ было такъ дорого.

Была темная ночь, когда съ послѣднимъ грузовикомъ, до верху запруженномъ разнымъ имуществомъ, я—въ компаніи моихъ товарищей — поѣхалъ на пристань. Мнѣ не хватило мѣста, и я стоялъ посреди тюковъ и людей съ ощетинившимися винтовками. И вспомнилась, не разъ видѣнная картина — грузовикъ, нагруженный товарищами вооруженными до зубовъ.

Когда то такъ «драпали» они изъ Харькова; лица ихъ были злобно сосредоточенны и одновременно сконфужены: вѣроятно такими уѣзжали теперь мы. И я радъ былъ, что темнота ночи скрываетъ насъ отъ людей, которые жадно искали кругомъ все, что оставляла армія, и которые можетъ быть радовались нашему позору. Ликъ ночи смягчалъ и наше пораженіе и ихъ алчность.

По мѣрѣ приближенія къ порту дорога все больше загромождалась повозками, автомобилями и лошадьми. Движенія дѣлались болѣе нервными; окрики людей болѣе грубыми. Видно было, какъ мысль — простая и страшная — оставаться во власти большевиковъ — подгоняла всѣхъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше оставалось пространства до Чернаго моря. И на самой пристани, въ полной темнотѣ, которую иногда побѣждалъ ослѣпительный блескъ прожектора, люди нервно бѣгали, грузили, выгружали и — наиболѣе счастливые — сами грузились.

Въ темнотѣ я услыхалъ рѣзкій характерный голосъ капитана К. Капитанъ К. — одно изъ интересныхъ лицъ на нашемъ бронепоѣздѣ. Онъ — изъ аристократической семьи; его дядя былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Онъ обладаетъ даромъ великолѣпнаго разсказчика и характе-

ромъ, весьма нервнымъ и тяжелымъ. Я до сихъ поръ, несмотря на извѣстныя сложившіяся отношенія, рѣшаюсь не всегда назвать его Аполлономъ Александровичемъ, не убѣжденный, что онъ вдругъ не измѣнитъ своего тона и не скажетъ:

— Я въ чинѣ капитана, и благоволите именовать меня по чину.

Онъ всегда завѣдуетъ у насъ вопросами передвиженія — и я у него могъ, конечно, узнать отмѣнена или нѣтъ наша послѣдняя экспедиція.

— Наша боевая часть стоитъ на вокзалѣ и сегодня въ пять утра отправляется на фронтъ прикрывать отступленіе.

Вопросъ такимъ образомъ выяснился.

—Да, вы въ боевой смѣнѣ, — сказалъ капитанъ К. Вамъ предстоитъ, не скрою отъ васъ, тяжелая задача. Отступать придется вамъ, уже, вѣроятно, съ послѣдними Корниловскими частями. Но я вамъ скажу больше: изъ источниковъ весьма компетентныхъ, я знаю, что Деникинъ имѣетъ соглашеніе съ иностранными судами, стоящими на рейдѣ — забирать послѣднія отходящія части нашихъ войскъ.

Я сталъ помогать производить погрузку. Казалось, все таки, что не будутъ посылать насъ почти на убой, видя все, что происходитъ вокругъ. И человѣческая слабость брала свое. Хотѣлось остаться — и со всѣми вмѣстѣ уѣхать, наконецъ, изъ Новороссійска. Вдали блестѣли огни пароходовъ, виднѣлось море и манило къ себѣ, подальше отъ ужасовъ войны, отъ разрыва бомбъ, отъ человѣческой крови, которую — какъ сказала Леди Макбетъ — не могутъ смыть никакія благовонія міра.

Но вдругъ раздался голосъ поручика П.:

— Господинъ капитанъ, я пришелъ за людьми,

назначенными въ боевую часть. Отпустите тѣхъ изъ нихъ которые заняты погрузкой.

Я подошелъ къ поручику П.

— Господинъ поручикъ, я въ вашемъ распоряженіи, сказалъ я ему. И стало мнѣ ясно въ этотъ моментъ, что судьба посылаетъ мнѣ можетъ быть послѣднее испытаніе.

— Прощайте, — сказалъ я, подойдя къ поручику Р. и поцѣловавшись съ нимъ, и на душѣ, вмѣсто обычнаго въ такихъ случаяхъ подъема и радости, стало тягостно и что то внутри заныло.

Мы пошли съ поручикомъ П. на вокзалъ. Наши двѣ пушки и пулеметная площадка стояли у самаго вокзала, ярко освѣщеннаго электричествомъ. Поручикъ Л. исполнялъ обязанности комброна нашей части. Онъ сидѣлъ, закутавшись въ шинель въ командирской кабинкѣ. Было холодно, и онъ, видимо, продрогъ. Глаза его, такіе выразительные, были утомлены, и въ нихъ я прочиталъ ту же мысль и то же чувство, которое было и во мнѣ: мы шли на вѣрную гибель. Но мы шли, не одушевляемы той вѣрой и тѣмъ энтузіазмомъ, который былъ когда то при взятіи Ростова. Мы гибли, какъ рыцари, исполняющіе свой долгъ. Во имя этого долга, безропотно и безстрашно, приносилъ свою жертву и онъ, и темные глаза его были строги и печальны. И печаль этихъ глазъ спаивала меня съ нимъ еще новыми узами.

16 Марта. Севастополь. Крымскія казармы.

Въ пять часовъ мы двинулись съ нашей боевой частью изъ Новороссійска. Мы должны были выѣхать къ станціи Тонельной и артиллерійскимъ огнемъ задерживать наступленіе красныхъ. Дорога шла по правому желѣзнодорожному пути, а по лѣвому пути, навстрѣчу намъ, шли нескончаемые обозы и воинскія части.

Сотни повозокъ, нагруженныхъ разнымъ иму-

ществомъ, больными, ранеными, часто женщинами и дѣтьми, шли сплошной массой по рельсамъ, по проселочнымъ дорогамъ, по всѣмъ путямъ, какіе были только доступны для передвиженія. Мѣстами они задерживали свой ходъ; иногда вдругъ, подчиняясь какой - то паникѣ, возникшей можетъ быть гдѣ то далеко въ хвостѣ, нервно ускоряли свой бѣгъ. И въ эти минуты все смѣшивалось въ кучу, сбивало другъ друга; лица искажались ужасомъ; конные всадники летѣли, едва сдерживая коней; пѣхотинцы бросали шашки, винтовки и патроны.

А вдали виднѣлись очертанія горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Иногда на полянкѣ красовался то тутъ, то тамъ красивый бѣленькій домикъ, говорящій о мирной жизни культурныхъ людей. А позади, за легкимъ покровомъ тумана виднѣлось блестящее на солнцѣ море и суда, стоящія на Новороссійскомъ рейдѣ. Мы шли впередъ.

Офицеры стояли на крышахъ нашихъ площадокъ.

Я тоже забрался на крышу нашей кабинки, откуда этотъ видъ разстилался особенно отчетливо. И смотря на эту толпу, убѣгающую назадъ, испытывалось чувство гордости за то, что мы идемъ, несмотря ни на что, навстрѣчу врагамъ.

Къ поручику Л. подбѣжалъ командиръ лейбъ - казачьяго полка. Мы остановились.

— Обстрѣляйте, пожалуйста, ихъ артиллерію — она стоитъ за той деревней. Для нашихъ солдатъ это очень важно и вы достанете ихъ лучше другихъ...

Мы повернули пушки на бортъ и стали стрѣлять по указанному направленію.

Мы работали по видимой цѣли. Снаряды наши разрывались удачно; видно было, что мы начина-

емъ ихъ серьезно безпокоить. И, конечно, вскорѣ послѣдовалъ съ ихъ стороны отвѣтъ: началась артиллерійская дуэль.

Выпустивъ снарядовъ двадцать, мы поѣхали дальше. Иногда живой потокъ людей захлестывалъ и второй путь, такъ что намъ приходилось останавливать поѣздъ. Съ большимъ трудомъ расчищали намъ путь — медленно и неуклонно двигались мы впередъ.

Я всталъ опять на крышу нашей площадки. Живая лента людскихъ повозокъ извивалась змѣей, которой казалось, не было ни начала, ни конца. И вдругъ надъ нами просвистѣла первая шрапнель, а вслѣдъ за нею тяжелый снарядъ врѣзался сейчасъ же за послѣднимъ вагономъ нашего поѣзда въ густую толпу людей.

Прицѣлъ былъ взятъ вѣрный.

Мы пошли впередъ — и слѣдомъ за нами иногда опережая насъ, продолжали летать шрапнели и бомбы, и каждый разъ люди конвульсивно сжимались, кони неслись вскачь, повозки поворачивались въ бокъ.

Мы встрѣтили нѣсколько легкихъ бронепоѣздовъ, обогнули цементный заводъ и вошли на станцію Гайдукъ. Тамъ узнали мы, что связь съ Тонельной порвана и что дальше идти невозможно Начальникъ бронепоѣздовъ, полковникъ И. предписывалъ намъ пропустить въ Новороссійскъ всѣ легкія бронепоѣзда, стоявшіе на станціи Гайдукъ, и уйти черезъ часъ послѣ ухода стоявшаго тамъ тяжелаго бронепоѣзда.

18 Марта. Севастополь. Крымскія казармы.

На станцію полетѣли непріятельскіе снаряды; это былъ почти ураганный огонь. Одинъ за другимъ ушли легкіе поѣзда «Орелъ» и «Атаманъ Самсоновъ», ушелъ первый тяжелый отдѣльный бронепоѣздъ, и мы остались одни, подъ этимъ убій-

ственнымъ огнемъ. Мы должны были простоять подъ этимъ огнемъ цѣлый часъ. Разрывающіеся снаряды засыпали наши площадки осколками и мелкимъ щебнемъ. Мы продолжали стоять, отстрѣливаясь отъ непріятельскихъ баттарей только одной изъ пушекъ-на площадкѣ «Товарища Ленина», такъ какъ наша пушка не могла быть повернута подъ достаточнымъ уклономъ: расположеніе нашихъ баттарей было слишкомъ невыгодно.

Поручикъ Л. вошелъ въ нашу кабинку. Я лежалъ на койкѣ и старался задремать. Но каждый выстрѣлъ «Ленина» сотрясалъ настолько весь поѣздъ, что сдѣлать это мнѣ не удавалось.

— Почитайте мнѣ изъ вашихъ записокъ о взятіи Ростова, — сказалъ Л.

Я вынулъ тетрадь изъ кармана шинели и сталъ читать. Артиллерійскій огонь продолжался. Снаряды рвались съ равными промежутками одинъ отъ другого и къ нимъ мы уже привыкли. Но вотъ одинъ рванулъ съ особенной силой, такъ что все задрожало вокругъ. Онъ попалъ въ уголъ нашей кабинки, снеся желѣзную обшивку и скобу желѣзной лѣстницы на крышу. Я прекратилъ чтеніе.

— Попади на четверть аршина правѣе, — мы бы всѣ взлетѣли на воздухъ, — сказалъ кто-то.

— Да, тамъ стоитъ ящикъ съ динамитомъ — сказалъ поручикъ Л.

Но мы продолжали стоять до полученія новаго предписанія — идти въ Новороссійскъ, обстрѣлявъ по дорогѣ одну изъ баттарей.

Севастополь. 19 Марта. Казармы.

Мы проѣхали назадъ, медленнымъ ходомъ, около версты. Повозки, отдѣльныя части войскъ, продолжали, все ускоряя темпъ, летѣть къ Новороссійску.

Это было не отступленіе, а бѣгство.

Рядомъ съ нами оказался какой-то Корниловскій полкъ. Командиръ полка быстро подбѣжалъ къ комброну.

— Я приказываю остановиться и пропустить корниловцевъ впередъ, закричалъ онъ, подходя къ нашему командиру. И несмотря на указанія, что намъ предписано идти назадъ и найти позицію для обстрѣла батареи, а это мѣсто совершенно было неподходящее, — пришлось подчиниться силѣ и ждать, пока эта масса не пройдетъ дальше.

И опять, стоя на неудобномъ мѣстѣ, благодаря произволу командира полка, мы подверглись ожесточенному обстрѣлу, не имѣя возможности отвѣчать, какъ слѣдуетъ сами. Снарядъ угодилъ въ другую площадку и зажегъ ящикъ съ зарядами: еще немного — и взорвались бы снаряды, лежащіе неподалеку.

Корниловцы уже прошли — по сосѣднему пути двигалась новая масса людей, тѣсно прижимаясь къ нашему поѣзду. Получилось свѣдѣніе, что въ Гайдукѣ уже большевистская кавалерія: станція была занята ими.

Надо было тронуться и намъ — и наконецъ найти позицію, чтобы послать врагу прощальный привѣтъ. И вдругъ произошло что-то, что заставило застонать всю эту людскую массу какимъ то звѣринымъ стономъ: по сосѣднему пути большевики пустили въ Новороссійскъ паровозъ безъ машиниста — брандеръ.

Брандеръ летѣлъ, развивая все большую скорость, стремясь подъ уклонъ: спасенія не было. Люди, повозки — пробовали двинуться въ сторону, но паровозъ, ломая все на своемъ пути, перерѣзая лошадей, калѣча людей, изламывая повозки — ворвался въ эту сплошную людскую массу и прорѣзалъ ее какъ будто бы безъ всякаго сопротивленія. Черезъ нѣсколько секундъ паровозъ былъ

уже далеко; а рядомъ съ нами лежало до полутораста зарѣзанныхъ лошадей, искалѣченныхъ людей, изломанныхъ повозокъ, которыя втиснулись частью подъ нашъ составъ.

— Мерзавцы, — кричалъ какой-то мужчина въ изступленіи, сжимая кулаки.

Кругомъ была кровь, ужасъ и отчаяніе.

Съ большимъ трудомъ вытащили мы обломки повозокъ и тѣла лошадей изъ подъ нашихъ площадокъ и поѣхали къ повороту, откуда мы могли обстрѣливать непріятельскую баттарею. Ма нагнали опять какую-то Корниловскую часть.

— Куда прешь, — закричалъ Корниловскій офицеръ, размахивая револьверомъ передъ носомъ нашего командира.

— Я покажу тебѣ, какъ драпать... Остановиться сейчасъ же, не то застрѣлю.

Поручикъ Л. поблѣднѣлъ отъ гнѣва и негодованія. Я не слышалъ, что произошло дальше; слышалъ только его первыя слова:

— Вы не смѣете такъ обращаться къ офицеру и командиру поѣзда...., — на что Корниловецъ, кажется пьяный, закричалъ, снабжая свою реплику русскими ругательствами.

— Наплевать мнѣ на вашего командира... Солдаты! Подложить подъ поѣздъ шпалы и остановить...

Корниловскіе солдаты бросились къ поѣзду и подложили подъ колеса штукъ шесть шпалъ.

Было ужасно смотрѣть на эту картину. Это было яркимъ воплощеніемъ той анархіи, которая разъѣла нашу армію. Любой офицеръ, вооруженный револьверомъ и имѣвшій команду солдатъ, смѣшивалъ всѣ распоряженія и весь планъ и оскорбляя другого, расчищалъ себѣ путь къ бѣгству.

Прошло довольно много времени... Доблест-

ные Корниловцы были уже далеко, и мы могли вынуть шпалы и пойти дальше. Мы стали на поворотѣ и начали стрѣлять. Съ какого то судна пустили по большевикамъ нѣсколько тяжелыхъ снарядовъ изъ дальнобойныхъ орудій. Кругомъ же не было никого изъ нашихъ частей: всѣ пути были свободны. Мы оставались одни, послѣдніе, безъ связи и безъ поддержки. Въ лѣсу, неподалеку отъ насъ, скапливалась большевистская кавалерія. Мы открыли по ней стрѣльбу изъ пулеметовъ. Было ясно, что великое отступленіе къ морю кончилось.

По путямъ шла только подрывная команда съ двумя полковниками, взрывавшая послѣдніе пути. Мы посадили команду на площадку, а полковниковъ взяли въ свою кабинку. По путямъ шла вся въ крови и израненная древняя старушка, бормоча что-то несвязное: мы посадили ее въ сосѣднюю кабинку. Ждать больше было нельзя.

— Ѣдемъ. Медленный ходъ впередъ — скомандовалъ поручикъ Л.

Уже мы въѣзжали въ городъ. Скоро долженъ быть и вокзалъ, надъ которымъ виднѣлось громадное пламя пожара.

— Ну что-же, простимся съ пушками, — сказалъ поручикъ Л.

Мы вытащили стрѣляющія приспособленія и кувалдами разбили и согнули всѣ необходимыя части.

— Бронепоѣзда «На Москву» больше нѣтъ.

Стали одѣвать шинели и походныя сумки. Я снялъ висѣвшій въ углу образъ Св. Георгія Побѣдоносца и уложилъ его въ сумку: это была послѣдняя реликвія нашего поѣзда.

Пріѣхали на вокзалъ. Выстроились, захвативъ съ собой пулеметы.

Мы окинули послѣднимъ взглядомъ нашъ дорогой поѣздъ, отъ котораго теперь отлетѣла ду-

ша. Мы пошли впередъ, къ порту — и у каждаго защемило сердце отъ одной мысли:

— Удастся ли намъ сѣсть на пароходъ?

20 марта. Севастополь. Казармы.

Уже темнѣло когда мы подходили къ порту. Еще вчера, когда погружалась наша база, казалось, что не можетъ быть большаго скопленія людей, повозокъ и лошадей, смѣшавшихся въ одинъ сложный клубокъ то, что было сегодня, превосходило всякія ожиданія. Все пространство, какое можно было окинуть взоромъ, представляло изъ себя сплошную человѣческую стѣну, смѣшанную въ одну кучу съ табуномъ лошадей. Продвигаться въ этой густой массѣ, не потерявъ другъ друга, было почти невозможно.

Отбиться отъ команды въ этотъ моментъ было равносильно гибели. Съ громаднымъ напряженіемъ протискиваясь впередъ, я старался не терять изъ виду поручика Л.

Иногда, несмотря на всѣ усилія, толпа затирала меня и скрывала изъ поля зрѣнія моихъ товарищей. Становилось жутко.

— Москва. Гдѣ Москва? — кричалъ я.

— Москва здѣсь — раздавался въ толпѣ знакомый голосъ.

Я шелъ по этому голосу — и опять находилъ свою команду, которая шла, нагруженная пулеметами. У меня на плечахъ былъ мѣшокъ со стрѣляющими приспособленіями отъ пушекъ и снятой панорамой. Мѣшокъ оттягивалъ плечо; винтовка затрудняла движеніе въ этой толпѣ — и казалось, что отъ усталости станешь и откажешься идти. Но всякій разъ въ этотъ моментъ воля къ жизни подталкивала впередъ и давала силы.

Мы протиснулись на пристань «Русскаго Общества», гдѣ — какъ увѣряли — должны грузиться

техническія части. Поручикъ Л. ушелъ впередъ за справками и скоро вернулся обратно: намъ указали для погрузки вторую пристань, гдѣ грузилась Дроздовская дивизія.

Пройти это пространство было еще труднѣе, такъ какъ толпа сжалась тѣсно у самаго моря. И совсѣмъ изнемогающіе отъ усталости, мы достигли, наконецъ, нашей цѣли.

Насъ рѣзко остановилъ караулъ: дальше пропускать не велѣно — грузятся одни Дроздовцы. Пришлось сѣсть на какихъ то сломанныхъ автомобиляхъ; одинъ поручикъ Л. пошелъ дальше къ дежурному офицеру для переговоровъ.

20 марта. Севастополь. Кафе.

Странный видъ представлялъ въ эту минуту Новороссійскъ. Пожаръ, который мы замѣтили подходя къ вокзалу, разгорѣлся въ цѣлое море пламени. Начиная отъ города и кончая Стандартомъ, бушевало пламя, пожирая богатѣйшіе склады, амбары и цейхгаузы. То снопы огня, то отдѣльные языки вырывались къ темному небу — и на золотомъ фонѣ бушующаго огня черными силуэтами выдѣлялись близъ лежащія зданія и стропила строеній. Небо было покрыто тучами; дулъ холодный морской вѣтеръ. И небо это, на противоположной сторонѣ отъ пожара, налилось, какъ бы расплавленной мѣдью и свѣтилось зловѣщимъ свѣтомъ: тучи, какъ зеркало, отражали этотъ грандіозный пожаръ. При этомъ зловѣщемъ свѣтѣ стало почти свѣтло; и на каждомъ лицѣ, то утомленномъ, то искаженномъ страхомъ, то сосредоточенно-покойномъ лежали блики бушующаго пожара.

А на рейдѣ стояли суда, освѣщенныя электрическими лампочками. Казалось, что морю, спокойному, какъ обычно, нѣтъ дѣла до нашей трагедіи на сушѣ. И только два прожектора нервно боро3-

дили по небу, по пристанямъ, дѣлая лица людей какъ бы остановившимися и застывшими въ смертномъ испугѣ предчувствія послѣдняго конца: мѣста на землѣ осталось мало, рядомъ плескалось море.

Мы долго сидѣли въ ожиданіи прихода поручика Л. Наконецъ онъ явился.

— Положеніе скверное: не отказали, но судя по всему не примутъ...

Погрузка Дроздовцевъ совершалась необычайно медленно. Какъ будто нарочно испытывали долготерпѣніе людей. Цѣлыми часами стояли люди, жаждущіе попасть на «Екатеринодаръ», стоящій невдалекѣ громаднымъ чернымъ силуэтомъ. И въ эти безконечные часы не было замѣтно никакого движенія за чертой караула.

Становилось жутко. Я вспомнилъ сегодняшнюю картину боя, тотъ моментъ, когда мы, недалеко отъ Новороссійска, остались одни. Все то пространство, которое недавно было занято отступавшими частями, стало безлюдно; мрачная тишина, прерываемая пулеметнымъ огнемъ, воцарилась на мѣстѣ гула и шума бѣгущихъ обозовъ. И въ эту минуту казалось, что еще часъ другой — и большевики будутъ въ городѣ, такъ какъ никто не заграждаетъ имъ пути.

Гдѣ они? Можетъ быть уже близко, можетъ быть уже вступаютъ въ городъ. И когда я взглянулъ на эту толпу, озаренную пожаромъ и притиснутую къ морю, ужасъ Ходынки показался мнѣ дѣтскимъ лепетомъ. Что будетъ, если большевики дѣйствительно покажутся на горизонтѣ? Сколько людей будетъ потоплено въ морѣ, искалѣчено смято въ какой то комокъ мяса и костей И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли въ сторонѣ пожара раздалась ружейная пальба: къ счастью, это взрывались патроны, попавшіе въ огненное море.

Мы стали зябнуть. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь легкую шинель, и по спинѣ то и дѣло пробѣгали струйки дрожи. Сидѣть было неудобно; стоять было невозможно отъ усталости; все тѣло, особенно плечи, ныли отъ какой то тупой боли. Въ толпѣ произошло движеніе.

— Дать дорогу, — закричалъ кто-то.

И вслѣдъ за этимъ, гуськомъ стали идти по направленію отъ парохода вооруженные люди: часть команды Дроздовцевъ, уже посаженная на пароходъ, была вызвана на позиціи. Они шли, сосредоточенно спокойные, держа винтовки на перевѣсъ и съ трудомъ нащупывая себѣ дорогу въ этой толпѣ. Ихъ молодыя лица были строги — и зарево пожара дѣлало ихъ еще болѣе сосредоточенными.

— Поддержимъ честь юнкеровъ, — сказалъ кто-то изъ нихъ.

И хотѣлось поклониться имъ до земли. Хотѣлось радоваться за нихъ, что идутъ они такъ спокойно на смерть.

Ждать было дольше нестерпимо и небезопасно; если насъ не возьмутъ здѣсь, то надо было дѣлать что-то, чтобы взяли въ другомъ мѣстѣ. Поручики Л. и О. пошли на развѣдку.

Они вернулись довольно скоро.

— Насъ возьмутъ вмѣстѣ съ конно-горной батареей на пристань Русскаго Общества. Идемъ туда.

И мы снова пошли назадъ, изнемогая отъ усталости. Обѣщаніе командира баттареи придавало намъ новыя силы. Еще одинъ этапъ и мы отдохнемъ.

На пристани Русскаго Общества была обычная картина. Все смѣшалось — люди и лошади. Парохода не было видно; подходилъ маленькій катеръ и грузилъ маленькія партіи людей, имѣв-

шихъ счастье попасть на него. И хотя безпокоила мысль, что до прихода большевиковъ не исчерпается весь этотъ людской матеріалъ, была какая то надежда, что насъ возьмутъ.

Я повалился на землю, положивъ голову на кого то изъ спящихъ товарищей. Эти минуты боя, эти минуты тѣснаго единенія, связывали меня съ ними особыми нитями, особыми привязанностями, которыхъ не знаютъ люди, не бывавшіе въ бояхъ; въ этомъ чувствѣ людской связи есть великое утѣшеніе боя, въ этомъ есть великое вознагражденіе за ужасы крови, которая теряетъ свою цѣну.

Я сталъ засыпать. «Какъ хорошо, — думалось мнѣ, что я попалъ въ эту послѣднюю экспедицію. Я присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ нашего поѣзда. И если мы всѣ, которые не покинули поѣзда, составляемъ кадры не измѣнившись, то тѣ, кто посланъ былъ въ послѣдній бой, достойны стать воистину участниками литургіи вѣрныхъ...»

И вспомнилъ я, какъ въ Гайдукѣ бросилъ насъ нашъ механикъ Женя Д. Онъ жилъ съ нами въ одной теплушкѣ; онъ былъ неразвитой, неумный, безпринципный юноша. Въ шутку говорилъ онъ, что перейдетъ къ большевикамъ, потому что «служить надо тамъ, гдѣ больше платятъ». Я не удивился, когда узналъ, что Д. въ суматохѣ боя, бросилъ свои вещи въ кустѣ — и скрылся. Хорошо, что его нѣтъ. Онъ мѣшаетъ чистотѣ нашей. Скроется темнота ночи. Небо озарится свѣтомъ новаго величія. По этому небу, въ лучахъ солнечнаго свѣта, войдутъ къ Престолу Божьему погибшіе и сохранившіе честь. Вотъ уже небо засіяло пламенемъ, очищающимъ насъ отъ мірскихъ суетъ... Вотъ уже оно пылаетъ въ своемъ величіи...

Я открылъ глаза и проснулся. Передъ моими глазами бушевалъ пожаръ складовъ. Чей то голосъ закричалъ, покрывая весь шумъ толпы:

— Погрузки больше не будетъ. Всѣ оставшіеся идите грузиться на Восточный Молъ...

Мы уже совсѣмъ изнемогали отъ усталости, когда пошли на пристань Восточнаго Мола. Больше сутокъ мы были безъ хлѣба. Томила жажда. Кое у кого оставалась вода въ походной фляжкѣ; и когда люди уже падали отъ усталости, два три глотка воды возвращали упавшія силы.

— Я не могу больше нести стрѣляющія приспособленія, — сказалъ я.

Поручикъ Л. взялъ ихъ у меня и понесъ самъ. Мы шли по набережной рядомъ съ водой. Онъ пронесъ ихъ нѣсколько шаговъ и бросилъ въ море.

Мы вышли на дорогу. Было уже свѣтло. Гулко застучали по камнямъ наши сапоги. И въ этомъ мѣрномъ стукѣ солдатскихъ сапогъ чувствовалась мнѣ новая связь, дающая намъ силу.

«Будемъ тѣснѣе держаться другъ друга» — думалось мнѣ. Въ эту минуту я любилъ всѣхъ этихъ чужихъ людей, которые были связаны со мной общей судьбой.

До пристани Восточнаго Мола пришлось идти нѣсколько верстъ. Мы прошли уже Цементный заводъ и, проталкиваясь сквозь людскую толпу, дошли до самой пристани. Громадный пароходъ «Орелъ», съ высокими бортами, стоялъ недалеко отъ насъ. Съ невѣроятнымъ трудомъ подвигались мы къ сходнямъ, которыя мы надѣялись возьмутъ насъ теперь на бортъ парохода.

И въ эту минуту произошло то, что заставило всѣхъ содрогнуться. Пароходъ далъ три коротких свистка, сходни опустились — и онъ сталъ медленно отчаливать. Съ борта бросилъ кто-то веревку; какой-то солдатъ судорожно схватился за нее, и его подтянули на пароходъ. Въ толпѣ пронесся какой-то стонъ.

— Не можетъ быть... сказалъ я вслухъ. Но

пароходъ явно отчаливалъ. Вотъ уже онъ, развивая ходъ, пошелъ къ внѣшнему рейду. Что дѣлать? пронеслось въ головѣ. Передъ нами стояла толпа, убитая и растерянная. Мы собрались вмѣстѣ маленькой кучкой.

— Это послѣдній пароходъ. Придется, пожалуй, отступать въ горы — сказалъ я.

Всѣ промолчали.

Вдругъ на склонѣ горы показались всадники и раздалась пулеметная стрѣльба. Значитъ они уже тамъ; значитъ отступленіе отрѣзано. И у всѣхъ мелькнула одна и та же мысль: большевики обстрѣляютъ это скопленіе людей.

Но, тогда, всѣ эти тысячи жизней обречены на смерть.

И всѣ, безъ всякаго уговору, поспѣшно стали растекаться съ опаснаго мѣста.

Мы прошли нѣсколько саженей и вошли на Восточный Молъ: этотъ молъ отгораживалъ внутренній рейдъ отъ открытаго моря. Съ одной стороны возвышалась каменная стѣна, около сажени вышины; узкій каменный молъ безъ всякаго барьера обрывался прямо въ море. Далеко, далеко — молъ заканчивался бѣлымъ маякомъ, который возвышался надъ поверхностью воды.

Теперь уже не могло быть отступленія, теперь была единственная надежда, что насъ подберетъ какой-нибудь пароходъ.

Вмѣстѣ съ нами къ молу были прижаты другія части войска — всего человѣкъ пятьсотъ, шестьсотъ. Всѣ изнервничались, волновались. Не было видно никакой дисциплины. Чувствовалось, что при первомъ пароходѣ эти люди бросятся другъ на друга въ надеждѣ на спасеніе.

На молу стояла баржа, но она принимала только солдатъ какого то одного Гусарскаго полка.

Но и это было трудно осуществить, надо было сперва навести порядокъ.

— Стать въ двѣ шеренги, — скомандовалъ поручикъ Л., — и наша маленькая команда преградила молъ отъ края до края.

Теперь вмѣстѣ съ офицерами насъ было двѣнадцать человѣкъ. Часть, вѣроятно, осталась у большевиковъ; часть, отчаявшись въ пароходѣ, вѣроятно, пошла въ горы съ отступающими отрядами. Насъ было мало; но мы были тѣсно сплочены и какъ-то особенно ярко прониклись сознаніемъ воинскаго долга. И эта двойная ленточка людей, преградившихъ молъ, стала командовать толпою дезорганизованныхъ солдатъ.

Баржа отплыла и часть людей была взята на русскій пароходъ; мы оставались на молу. Въ порту еще виднѣлись пароходы — и у насъ была еще надежда на спасеніе.

И дѣйствительно два французскихъ судна подошли къ молу. Мнѣ вспомнился мой разговоръ съ капитаномъ К.: подтверждались его слова о соглашеніи взять на иностранные корабли отходящія части. Я сталъ совершенно покоенъ.

Къ нашему борту подошелъ французскій миноносецъ «Enseigne Roux». Надо было только сѣсть въ полномъ порядкѣ. Сперва порядокъ соблюдался. Но вдругъ все смѣшалось; обезумѣвшіе люди, прорвавъ нашу цѣпь, стали бросаться прямо на бортъ корабля. И чѣмъ дальше, тѣмъ захватываемые животной паникой — все безпорядочнѣе и безпорядочнѣе—прыгали они на пароходъ. Капитанъ далъ какое то приказаніе. Моментально канаты была отданы, — и пароходъ на глазахъ у насъ. скрылся въ далекомъ морѣ.

Теперь мы были одни. Передъ нами плескалось море, сзади возвышалась стѣна. Послѣдніе

пароходы, послѣдніе катера и шлюпки уходили изъ внутренняго рейда. Загнанные почти на маякъ, у послѣдней черты, стояли мы позабытые и отданные въ руки враговъ.

— Неужели конецъ? — промелькнуло въ головѣ. Казалось это невѣроятнымъ. Казалось, что нельзя умереть въ такой солнечный день. И вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно, что выхода нѣтъ.

— Конечно, пароходы придутъ, — сказалъ я вслухъ, и въ это же время подумалъ: конечно, мы останемся безъ помощи.

Я посмотрѣлъ на лица моихъ товарищей: они были серьезны и сосредоточенны. Но въ нихъ не было слѣдовъ растерянности и страха. И смотря на нихъ, сравнивая ихъ съ многими, случайно оказавшимися съ нами на молу, я подумалъ:

— Вотъ, она, начинается послѣдняя литургія... Двѣнадцать послѣднихъ воиновъ съ «Москвы» достойны участвовать въ литургіи вѣрныхъ...

А въ это время на внутреннемъ рейдѣ не осталось ни одного судна, и только одна лодка плескалась около маяка: жизнь моря остановилась. Это была жуткая тишина передъ грозой: она должна скоро разразиться.

Двое солдатъ прыгнули въ лодку.

— Мы доѣдемъ до миноносца; мы упросимъ ихъ вернуться...

Они скрылись изъ вида. Передъ нами было безжизненное море; позади насъ каменная стѣна..

Донцы, стоявшіе съ нами, стали волноваться.

— Нѣтъ, тутъ, братцы, пропадешь... — заговорили они. — Идемъ, братцы, пока не поздно, къ горамъ... Тамъ, може, прорвемся...

И одинъ за другимъ они пошли съ мола.

Кто то устроилъ на стѣнѣ наблюдательный пунктъ. На пику водрузили флагъ и стали махать имъ: можетъ быть замѣтитъ какой-нибудь пароходъ.

— Далеко ли лодка отъ миноносца?

— Далеко, имъ должно быть трудно грести...

Съ противоположной стороны, въ районѣ Стандарта, раздалась трескотня пулеметовъ. Невольно посмотрѣлъ я въ сторону моря. Какой то унылый видъ представляло теперь это море, лишенное жизни. И показалось мнѣ, что на поверхности воды расходятся кружочки, какъ во время дождя...

— Неужели это пулеметъ начинаетъ стрѣлять сюда? — подумалъ я. Но мысль свою я похоронилъ въ себѣ, не желая вносить паники. Но кружки на водѣ стали ближе. Стало всѣмъ ясно, что насъ обстрѣливаютъ пулеметнымъ огнемъ.

— Что миноносецъ замѣтилъ насъ?

— Онъ уходитъ въ открытое море...

Это былъ моментъ величайшаго напряженія нервовъ, теперь было ясно, что мы погибли. Вѣроятно, думалось мнѣ, выкинутъ бѣлый флагъ и станутъ просить о пощадѣ. Тогда надо идти подъ прикрытіе маяка и отстрѣливаться до послѣдняго патрона.

Я ощупалъ Кольтъ и сжалъ его рукой, какъ лучшаго друга. Недаромъ я такъ хотѣлъ имѣть револьверъ. Только благодаря ему, я совершенно покоенъ: черезъ какихъ нибудь полъ-часа, если не убьютъ, его пуля будетъ сидѣть въ моей головѣ.

И вдругъ страшно захотѣлось жить. Солнце было такъ ярко, море — такъ чисто; воздухъ — такой свѣжій и бодрящій. На этомъ одинокомъ маякѣ кончится моя жизнь, и никто не узнаетъ этого. Я просто пропаду — и даже докторъ Ф., который живетъ въ какой нибудь верстѣ отъ этого мѣста, не узнаетъ объ этомъ никогда.

И быстро, какъ въ какомъ нибудь калейдоскопѣ, промелькнули дорогія лица.

Какъ много нитей связывали и связываютъ меня

съ жизнью... Но что же себя утѣшать: жизнь кончается.

И на душу сошло что-то торжественное покойное. «Благодарю Тебя, Боже, что въ послѣднюю минуту ты даешь мнѣ силы... Это не грѣхъ покончить съ собой въ послѣдній моментъ. Поручикъ Р. не правъ: Ты меня оправдаешь».

— Миноносецъ идетъ къ намъ на всѣхъ парахъ... — закричалъ наблюдатель.

Поручикъ Л. вскочилъ со своего мѣста.

— Слышите, — закричалъ онъ изо всей силы. — Миноносецъ идетъ сюда. Если вы теперь опять устроите кабакъ (онъ употребилъ сильное русское выраженіе), насъ опять не возьмутъ... стройтесь всѣ въ двѣ шеренги...

Толпа заволновалась. Наскоро всѣ были построены. Казалось, что теперь, наконецъ, эти люди почувствовали значеніе дисциплины.

Мы стали спиной къ стѣнѣ, лицомъ къ морю. И наконецъ, пулеметный огонь захватилъ насъ. Недолетъ все дѣлается меньше; потомъ сталъ перелетъ — пули свистали надъ нашими головами, отрывая кусочки камня отъ стѣны.

Кто-то упалъ на землю и спрятался за мѣшкомъ.

— Встань сейчасъ-же, — закричалъ поручикъ Л. Онъ покорно всталъ.

Какой то солдатъ громко плакалъ. Какой-то офицеръ плакалъ. Кто-то срывалъ погоны и кокарды.

И въ эту минуту съ гордостью я посмотрѣлъ на нашихъ двѣнадцать. Мы стояли въ двѣ шеренги, грудью впередъ, подъ пулеметнымъ огнемъ. Сзади насъ была стѣна. Такъ разстрѣливали коммунаровъ на кладбищѣ «Père Lachaise» въ Парижѣ.

Мы нашли въ себѣ силы стоять спокойно не только подъ обстрѣломъ: послѣдніе остатки

«Москвы» стояли гордые, приставленные къ стѣнкѣ для разстрѣла.

Одна дама истерически зарыдала.

— Миноносецъ будетъ сейчасъ... Онъ загибаетъ за маякъ...

Въ этотъ моментъ "Enseigne Roux" появился изъ-за маяка и загородилъ насъ своимъ корпусомъ. Съ его борта раздались выстрѣлы по большевикамъ.

— Слушайся команды, иди въ порядкѣ... — закричалъ поручикъ Л.

Но только человѣкъ десять успѣло войти какъ слѣдуетъ. Снова все смѣшалось; снова повторилась картина недавняго прошлаго.

— Негодяи... — закричалъ кто-то...

Я стоялъ въ строю, не имѣя права прыгать на пароходъ. Но уже видно было, что всякій порядокъ нарушенъ.

— Прыгай... — закричалъ одинъ изъ офицеровъ.

Судно поспѣшно стало отчаливать. Между мной и имъ почти сажень разстоянія.

Я бросилъ винтовку на миноносецъ. Она ударилась о бортъ и упала въ море.

— Погибъ... — сказалъ я.

Въ эту минуту увидѣлъ я, какъ мой товарищъ, Валя перегнулся черезъ бортъ и подаетъ мнѣ руку. Я сдѣлалъ послѣднія усилія и прыгнулъ, схватившись за его руку. Я былъ спасенъ.

Мы сидѣли теперь на палубѣ и уже не обращали вниманія на пулеметный огонь; на борту корабля умереть было уже не страшно. Должно быть пулеметный огонь былъ большой. Французскіе матросы, то и дѣло кланялись отъ пролетающихъ пуль.

Изъ пушекъ дали еще пару выстрѣловъ. Люди, оставшіеся на молу, ломали руки и кричали въ

истерикѣ "Enseigne Roux" быстро помчался къ внѣшнему рейду.

На рейдѣ стоялъ громадный, шеститрубный бронированный крейсеръ «Waldeck Rousseau». Мы были взяты на его бортъ.

Вся палуба на «Waldeck Rousseau» была уже занята нашими солдатами и офицерами. Я подошелъ къ периламъ палубы и посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на живописныя горы Новороссійска.

Въ городѣ была слышна пулеметная и артиллерійская стрѣльба. Море было зеркально покойно. Солнце улыбалось сквозь тонкую пелену облачковъ.

«Кубанскій періодъ» нашего похода кончился. И въ послѣдній моментъ дано мнѣ было счастье пріобщиться къ литургіи вѣрныхъ.

Сплотимся же тѣснѣе во имя нашей идеи! Найдемъ въ себѣ силы поднять во имя ея всю тяжесть жизни!

Imprimerie RIRACHOVSKY 5, rue des Gobelins. PARIS

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.7
D38
1921

114.